

КАЗЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II

1762—1796.

Очеркъ изъ историческаго изслѣдованія.

Въ составъ казенныхъ крестьянъ во второй половинѣ XVIII вѣка входили весьма разнообразныя элементы: тутъ были и государственныя крестьяне въ тѣсномъ смыслѣ этого слова или такъ называемыя чернососныя, и немногочисленныя группы ямщиковъ, объѣдныхъ крестьянъ и др. Сюда-же, наконецъ, вошли при Екатеринѣ II-й однодворцы и старыхъ службъ служилые люди, послѣ того какъ они утратили свои особенности въ отправленіи воинской повинности и уплатѣ податей. Изъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ видовъ свободныхъ сельскихъ обывателей мы остановимся въ настоящемъ очеркѣ, съ одной стороны, на чернососныхъ крестьянахъ и образовавшейся среди нихъ группѣ половниковъ, а съ другой—на однодворцахъ и старыхъ службъ служилыхъ людяхъ. Эти два отдѣла казенныхъ крестьянъ являются представителями двухъ различныхъ формъ землевладѣнія: чернососныя крестьяне владѣли землею на общинномъ правѣ; но это былъ не тотъ видъ общины, который существуетъ въ настоящее время въ большинствѣ Россіи, т. е. съ передѣлами земли въ извѣстные сроки, а старинный типъ, сохранившійся во многихъ мѣстахъ еще и до сихъ поръ, при которомъ пашни и, отчасти, по-

косы находятся въ подворномъ владѣніи; однодворцы-же послужатъ намъ представителями участковаго владѣнія.

Историческое разсмотрѣніе различныхъ формъ землевладѣнія русскаго народа имѣетъ громадное значеніе въ настоящее время. Мы не мало толкуемъ о томъ, что исторія есть «народное самосознаніе», но рѣдко обращаемся къ ея пособію и плохо пользуемся данными ею уроками въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о самыхъ насущныхъ вопросахъ народной жизни. Нѣкоторые изъ нашихъ администраторовъ несомнѣнно обнаруживаютъ стремленіе замѣнить общинное землевладѣніе подворнымъ.....

Историческій очеркъ, предлагаемый вниманію читателей, укажетъ на то, къ какимъ результатамъ приводило подворное владѣніе, а также и общинное безъ передѣловъ земли, особенно если при этомъ существовало право свободной перепродажи участковъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Правительство прошлаго и первой половины нынѣшняго столѣтія, видя многія вредныя стороны первой формы землевладѣнія и неудобства второй, содѣйствовало съ своей стороны распространенію по окраинамъ Россіи того типа общины, который издавна установился въ центрѣ государства. Крестьяне, какъ доказываютъ неопровержимые факты, рѣшительно высказываются за сохраненіе общиннаго землевладѣнія; почти всѣ органы печати, лучшіе ученые и публицисты указываютъ на громадныя преимущества общиннаго землевладѣнія сравнительно съ участковымъ; къ тому же выводу приводятъ и многіе ученые западной Европы. Но всего этого недостаточно, чтобы убѣдить упорныхъ противниковъ общины.....

Считаемъ необходимымъ оговориться, что въ настоящемъ очеркѣ мы не ограничимся изученіемъ только формъ землевладѣнія, но коснемся и другихъ сторонъ жизни казенныхъ крестьянъ. Съ другой стороны, мы не исчерпаемъ здѣсь вопроса объ общественномъ землевладѣніи во второй половинѣ XVIII вѣка и будемъ еще имѣть случай возвратиться къ нему въ особомъ изслѣдованіи. Предоставляя себѣ право сдѣлать выводы въ заключеніе нашего очерка, мы можемъ сказать уже напередъ, что факты, которые будутъ въ немъ изложены, указываютъ на самыя печальныя послѣдствія участковаго

землевладѣнія. Общинное землевладѣніе безъ передѣловъ земли представляется сравнительно съ нимъ болѣе удобною формою, какъ потому, что помимо участковъ, находящихся въ личномъ пользованіи, при немъ существуетъ запасъ не подѣленныхъ земель, такъ и потому, что оно даетъ возможность ввести передѣлы, когда это требуется. Нужно замѣтить, что, при извѣстныхъ условіяхъ (недостаточности населенія и т. п.), общинное землевладѣніе безъ передѣловъ земли есть, быть можетъ, самая подходящая форма общины, но нельзя не признать, что принципы равенства гораздо полнѣе осуществляются при передѣлахъ земли. Это не значитъ, однако, чтобы было желательно насильственное превращеніе волостной общины въ деревенскую съ раздѣломъ всѣхъ волостныхъ угодій, какъ это было сдѣлано въ 1830-хъ годахъ въ Архангельской губерніи. Гораздо лучше предоставить осуществленіе этого перехода самодѣятельности крестьянскихъ общинъ.

Государственные черносошные крестьяне.

I.

Ихъ численность и мѣстность, которую они населяли.—Новые источники для исторіи землевладѣнія на сѣверѣ Россіи.—Общины-волости.—Земли, находившіяся во владѣніи нѣсколькихъ волостей.—Продажа и залогъ земель.—Имущественное неравенство.—«Деревенскіе владѣльцы»; просьбы крестьянъ объ отобраніи у нихъ земель.—Желаніе уравнительнаго раздѣла земли.

Всматриваясь въ составъ крестьянскаго населенія въ Россіи въ XVIII вѣкѣ, мы видимъ, что громадное большинство его было закрѣпощено въ той или иной формѣ: одни, и такихъ было всего болѣе, принадлежали помѣщикамъ; другіе—духовенству; третьи—дворцовому вѣдомству или лично членамъ царской фамилии; четвертые сдѣлались неотъемлемою принадлежностью фабрикъ и заводовъ; пятые, хотя и продолжали считаться людьми казенными, но, приписанные для отработыванія подушнаго оклада къ заводамъ, находились въ большой зависимости отъ ихъ владѣльцевъ. Однако и въ

это время еще сохранились крестьяне, которымъ удалось избѣгнуть закрѣпощенія въ той или другой формѣ и которые могутъ служить представителями древняго свободнаго земледѣльческаго сословія: мы разумѣемъ государственныхъ крестьянъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова или такъ называемыхъ черносошныхъ¹⁾. Уже въ XVI вѣкѣ черныя волости сосредоточивались главнымъ образомъ на сѣверныхъ окраинахъ Россіи—въ уѣздахъ поморскихъ и на сѣверо-восточныхъ краяхъ Новгородской земли (Обонежская пятина), въ нынѣшнихъ Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерніяхъ. Главною причиною того, что этотъ родъ крестьянъ почти совершенно исчезъ въ центральной Россіи, была обширная раздача тамъ земель въ помѣстья служилымъ людямъ, а также постепенное увеличеніе владѣній духовенства. Отъ закрѣпощенія за помѣщиками черносошные крестьяне сѣверной Россіи спаслись какъ отдаленностью отъ центра государственнаго управленія, такъ и тѣмъ, что, съ приобретеніемъ новыхъ областей, правительство, для верстанья помѣстьями, обратилось къ юго-восточной окраинѣ государства, къ такъ называемымъ «дикимъ полямъ», въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Орловской, Курской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской и Самарской. Болѣе опаснымъ врагомъ свободы крестьянъ сѣверной Россіи было духовенство: если помѣщику неудобно было забираться въ дебри поморскихъ городовъ, за то онѣ служили приманкою для благочестивыхъ отшельниковъ, искавшихъ уединенія. Не даромъ крестьяне иногда враждебно относились къ такимъ отшельникамъ и даже прогоняли ихъ отъ себя: они знали, что каждая изъ такихъ уединенныхъ келій дѣлалась притягательнымъ центромъ для другихъ людей, ищущихъ спасенія отъ мірскаго соблазна, и что скоро тамъ, гдѣ стоитъ одинокая избушка, появится обширный монастырь. Извѣстно, что слѣдовало за тѣмъ: монастырскія власти начинали захватывать земли, прилегающія къ монастырю, и запрашивали у правительства жалованныя грамоты на имѣнія.

Однако, черносошные крестьяне, какъ мы уже сказали, всетаки уцѣлѣли и даже сохранили многія любопытныя особенности своего быта. Во время третьей ревизіи, слѣдовательно въ 1763—1764 гг., ихъ было въ Великороссіи и Сибири безъ малаго 600,000 душъ мужскаго пола. Любопытно, что, не смотря на немногочисленность государственныхъ крестьянъ, уцѣлѣвшихъ отъ закрѣпощенія, русское дворянство при Екатеринѣ II и на нихъ точило зубы. Кн. М. М. Щербатовъ предлагалъ продать всѣ государственныя деревни дворя-

¹⁾ Одинодворцы имѣли совершенно иное происхожденіе: они были потомками служилыхъ людей.

вамъ по 80 р. за душу; впрочемъ, онъ не надѣялся на успѣхъ такого предложенія: по его мнѣнью, оно не будетъ исполнено, пока «у насъ не познаютъ прямую пользу короны, чего и во 100 лѣтъ не уповательно быть».

Термины «государственные» и «черносошные» крестьяне употреблялись тогда какъ синонимы (хотя первому изъ нихъ придавалось иногда гораздо болѣе широкое значеніе, когда онъ обозначалъ всѣхъ казенныхъ крестьянъ). Правительство говоритъ въ межевой инструкціи о «государственныхъ черносошныхъ крестьянахъ»; терминъ этотъ мы находимъ также и у путешественниковъ, но чаще они называютъ крестьянъ или государственными, или черносошными; въ наказахъ эти слова употребляются также безразлично.

Въ исторіи черносошныхъ крестьянъ всего важнѣе вопросъ о томъ, какая существовала у нихъ форма землевладѣнія: подворная или общинная? Въ то время, когда шелъ знаменитый споръ объ исторіи общины между Чичеринымъ и Бѣляевымъ, нельзя было ожидать правильнаго отвѣта на этотъ вопросъ: одинъ изъ нихъ настаивалъ на томъ, что общинное землевладѣніе было выдуманно правительствомъ и введено по его указамъ; другой же, вѣря въ исконное существованіе общины, предполагалъ, что она всегда существовала въ той формѣ, какую мы находимъ въ настоящее время въ центральной Россіи. Со времени этого спора прошло почти 20 лѣтъ до тѣхъ поръ, пока было сказано новое слово по этому вопросу, и, какъ это нерѣдко случается, оно было произнесено не какимъ-либо патентованнымъ ученымъ специалистомъ, а человѣкомъ совершенно неизвѣстнымъ въ литературѣ, которому удалось въ одномъ изъ глухихъ уголковъ Россіи наблюдать не одну, а нѣсколько формъ общиннаго владѣнія землею. Мы говоримъ о статьѣ Лалоша «Сельская община въ Олонецкой губерніи»¹⁾. Авторъ ея тѣмъ болѣе заслуживаетъ благодарности, что онъ не только констатировалъ факты, которые ему случилось наблюдать, но и указалъ на то, какое значеніе имѣютъ они для исторіи общиннаго владѣнія въ Россіи. Эта небольшая статья дала толчокъ къ новымъ историческимъ изслѣдованіямъ по этому вопросу. Здѣсь слѣдуетъ съ благодарностью упомянуть имена г. Кейслера²⁾ и еще болѣе г. Соколовскаго³⁾. Если трудъ пер-

¹⁾ «Отеч. Зап.» 1874 г., № 2-й.

²⁾ «Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland», I Theil. 1876.

³⁾ «Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи». Спб. 1877 г. и также въ его статьяхъ: «Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей перелъ крѣпостнымъ правомъ», въ «Исторической Библіотекѣ» за 1878 годъ.

ваго изъ этихъ авторовъ, при всѣхъ его достоинствахъ, грѣшитъ недостаточностію историческихъ данныхъ, за то г. Соколовскій подвергъ внимательному изученію издавныя писцовыя книги и такимъ образомъ добылъ немало весьма важныхъ фактовъ для исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи въ XVI вѣкѣ. Но для разъясненія того же вопроса въ XVII и XVIII вѣкахъ историкамъ остается потрудиться еще немало.

Отлагая до другаго времени подробное изслѣдованіе исторіи общины въ XVIII вѣкѣ, мы ограничимся на этотъ разъ лишь тѣми данными, которыми мы располагаемъ относительно крестьянъ черносопныхъ, причѣмъ намъ придется говорить о той мѣстности, которая занята нынѣшними губерніями Архангельскою, Вологодскою, Олонецкою и Вятскою, а также и о Сибири. Къ сожалѣнію, изслѣдователь исторіи XVIII вѣка лишень такихъ превосходныхъ источниковъ для изученія экономическаго быта народа, какими для XVI и XVII вв. служатъ писцовыя книги; данныя о поземельныхъ отношеніяхъ крестьянъ въ прошломъ столѣтіи встрѣчаются въ самомъ изобильномъ количествѣ не только въ печатныхъ матеріалахъ, но даже и среди архивныхъ документовъ. Къ счастью, нѣсколько интересныхъ свѣдѣній объ общинѣ во второй половинѣ XVIII вѣка мы находимъ въ неизданныхъ наказахъ, данныхъ черносопными крестьянами своимъ депутатамъ въ комиссію для составленія новаго уложенія ¹⁾).

Отъ государственныхъ черносопныхъ крестьянъ были депутаты изъ слѣдующихъ мѣстностей: Велико-Устюжской и Вологодской провинцій, Олонецкаго и Каргопольскаго уѣздовъ, Пермской, Казанской и Исетской провинцій (приписныхъ къ казеннымъ заводамъ), Вятской провинціи, Алаторской провинціи (Нижегородской губерніи), отъ города Саратова, отъ провинцій Тобольской, Енисейской и Иркутской и крестьянъ приписанныхъ къ заводамъ екатеринбургскаго вѣдомства. Кромѣ того, былъ депутатъ отъ «ясачныхъ» крестьянъ Архангелогородской провинціи, но во время преній въ комиссіи уложенія онъ назывался депутатомъ черносопныхъ крестьянъ ²⁾). Такимъ образомъ, всего отъ черносопныхъ крестьянъ было 16 представителей. Если бы каждый изъ нихъ привезъ только по одному наказу, то едва-ли бы мы много узнали о положеніи этого отдѣла кре-

¹⁾ Мы имѣли возможность познакомиться съ этими документами въ архивѣ II отдѣленія собств. Его Величества канцеляріи.

²⁾ И дѣйствительно: изъ современнаго описанія Архангельской губерніи оказывается, что въ 1786 г. въ ней было болѣе 37,000 душъ государственныхъ черносопныхъ крестьянъ.

стьянства, но въ нѣсколькихъ провинціяхъ вовсе не было составлено сводныхъ наказовъ. Крестьяне каждой волости или погоста, выбирая кого-либо изъ своей среды для избранія уѣзднаго повѣреннаго, давали ему отъ себя письменное наставленіе съ изложеніемъ «своихъ нуждъ и недостатковъ»; уѣздные повѣренные получали отъ своихъ избирателей всѣ привезенныя ими наставленія и передавали ихъ въ свою очередь провинціальному депутату. Такимъ образомъ, депутатъ Велико-Устюжской провинціи привезъ 192 наказа или довѣренности отъ черносошныхъ крестьянъ, да еще 16 отъ половниковъ. Депутатъ отъ крестьянъ Архангельской провинціи привезъ 103 довѣренности отъ черносошныхъ и 92 отъ экономическихъ и дворцовыхъ крестьянъ; депутатъ черносошныхъ крестьянъ Тобольской провинціи привезъ 70 довѣренностей, Енисейской — 33, а Иркутской губ.—19. Въ этихъ документахъ мы находимъ множество любопытныхъ подробностей объ экономическомъ бытѣ и поземельныхъ отношеніяхъ черносошныхъ крестьянъ.

Въ своемъ «Очеркѣ исторіи сельской общины» г. Соколовскій обращаетъ вниманіе на то, что, кромѣ общинныхъ земель, состоявшихъ въ отдѣльномъ пользованіи каждой деревни, были еще земли, находившіяся въ нераздѣльномъ пользованіи нѣсколькихъ селеній, и потому устанавливаетъ два рода общины: общины-деревни и общины-волости. Въ послѣднихъ одна часть земель находилась въ отдѣльномъ пользованіи сель, деревень и починокъ, составлявшихъ волость, другая же оставалась въ пользованіи всей волости. Такія волостныя общины мы находимъ на сѣверѣ Россіи и въ XVIII вѣкѣ.

Директоръ экономіи Архангельскаго намѣстничества въ одномъ изъ своихъ предписаній крестьянамъ, 1786 года, упоминаетъ объ «общественныхъ волостныхъ угодьяхъ»; въ чемъ же состояли эти угодья? Во первыхъ, въ общественныхъ выгонахъ ¹⁾; во вторыхъ, въ общинныхъ лѣсахъ ²⁾.

Что касается общинныхъ покосовъ, то, по видимому, они находились чаще въ пользованіи отдѣльныхъ деревень; покосы эти назывались печищными отъ слова печище—деревня. («Печищами назы-

¹⁾ Еще въ XVII вѣкѣ въ нѣкоторыхъ волостяхъ этой мѣстности упоминается «мирская покотина», «животинный выгонъ всѣхъ волостныхъ крестьянъ».

²⁾ Въ вѣдомости конца прошлаго столѣтія о Николаевской Матигорской волости (Двинскаго, т. е. Архангельскаго уѣзда) между прочимъ сказано: «Лѣсныхъ дачъ по обѣ стороны большой дороги съ живущими той же волости Архангельской округи съ экономическими крестьяны владѣнія вообще состоятъ длинника на 10-ти и поперечника тожь на 10-ти верстахъ».

вались на сѣверѣ маленькія деревни въ два, три двора»,—говоритъ г-жа Ефименко). Указанія на печищные покосы мы находимъ въ нѣсколькихъ наказахъ крестьянъ Велико-Устюжскаго и Сольвычегодскаго уѣздовъ. Въ наказѣ одной волости Двинской трети Велико-Устюжскаго уѣзда крестьяне жалуются, что «многія деревни ни копны печищнаго, т. е. крѣпостнаго, сѣна не имѣютъ», такъ какъ рѣкою Двиною снесено не мало покосныхъ земель; далѣе еще поясняется, что эти покосы въ писцовыхъ книгахъ «написаны дачею къ деревнѣ». Крѣпостными эти земли назывались въ противоположность оброчнымъ, относительно которыхъ мы находимъ въ наказахъ поясненіе, что это земли «не въ дачахъ къ деревнямъ состоящія». Но что должны были быть и покосы, принадлежащія цѣлой волости, это видно изъ того, что нѣкоторые луга находились въ пользованіи даже нѣсколькихъ волостей.

Какъ въ XVI вѣкѣ нѣкоторыя смежныя волости Обонежской пятины имѣли въ общемъ пользованіи земли и рыбныя ловли ¹⁾, такъ и два вѣка спустя мы находимъ то же самое въ сѣверной Россіи: на это есть не мало указаній въ наказахъ Яренскаго уѣзда. Крестьяне просили оставить эти общинныя владѣнія въ прежнемъ видѣ. Въ наказѣ Ленской волости Яренскаго уѣзда мы читаемъ: «Которыя наши земли пахотныя и сѣнокосныя находятся въ смежности Наволоцкой и Туглимской волостей крестьянъ съ землями-жъ, тѣмъ быть какъ издревле въ общемъ владѣніи состоятъ».—«По сотной и по жалованной грамотѣ», писали крестьяне Турецкой трети того же уѣзда, «имѣются дачи наши Княжпогостскимъ и Ляльской третей обще (т. е. вмѣстѣ съ этими третями) и въ рыбныхъ промыслахъ и сѣнной ставкѣ Княжпогостскія ходятъ противъ нашей же трети крестьяне». Земли находились иногда во владѣніи двухъ волостей даже и въ томъ случаѣ, если эти волости были населены крестьянами совершенно различныхъ вѣдомствъ или находились въ разныхъ уѣздахъ. Волость владѣла иногда землями сообща съ частными владѣльцами. «Которыя наши земли», читаемъ въ наказѣ Ляльской трети, «находятся въ смежности вологодскихъ купцовъ Рыбниковыхъ съ Серьговскимъ ихъ солянымъ заводомъ, тако-жъ вѣдомства коллегіи экономіи Устьвымскою волостью и Княжпогостской трети съ государственными черносопшными крестьянами, тѣмъ бы быть какъ издревле и нынѣ во владѣніи общемъ состоятъ». Печерская волость Яренскаго уѣзда имѣла земли въ общемъ владѣніи вверхъ по рѣкѣ Печерѣ съ крестьянами Чердынскаго и Соликам-

¹⁾ Соколовскій, «Очеркъ исторіи сельской общины», стр. 74, 75.

скаго уѣздовъ, а внизъ по рѣкѣ съ крестьянами Пустозерскаго уѣзда.

Въ XVII вѣкѣ былъ случай покупки земли сообща крестьянами всей Двинской земли. Когда въ 1627 году, при постройкѣ острога въ Холмогорахъ, была занята «бѣлая» земля, принадлежавшая одной соборной церкви, то крестьяне всей Двинской земли сообща купили для этой церкви участокъ черной тяглой земли въ Матигорской волости и вмѣстѣ платили за нее подати до 1724 года.

Пашенныя земли не передѣлялись: по крайней мѣрѣ на это нѣтъ никакихъ указаній въ наказахъ черносопныхъ крестьянъ. Какъ и въ настоящее время, крестьяне основывали починки. По свидѣтельству межевой инструкціи, они вновь расчищали земли въ волостяхъ и деревняхъ, написанныхъ за ними по писцовымъ книгамъ, «отшедъ отъ села или деревни версты по двѣ, по три и болѣе» и селились «особыми дворами», называя эти выселки или тѣмъ же именемъ, какъ и ихъ деревни, или и иными названіями; затѣмъ этими землями они распоряжались по своему усмотрѣнію: продавали ихъ и закладывали. При экстензивной системѣ хозяйства крестьянамъ нужно было большое количество земель; не мудрено, что каргопольскіе крестьяне ходатайствовали въ комисіи уложенія о дозволеніи имъ переселиться въ лѣсныхъ мѣста на земли удобныя для хлѣбопашества и отстоящія отъ волостей на разстояніе отъ десяти до тридцати верстъ.

Въ частномъ владѣніи находились пашни и та часть покосовъ, которая не состояла въ общинномъ пользованіи всей деревни. Земли, принадлежавшія отдѣльнымъ крестьянскимъ дворамъ, назывались повытками или участками; передѣловъ такихъ земель не только не было, но крестьяне, какъ видно, не находили даже возможнымъ къ нимъ приступить, такъ какъ въ писцовыхъ книгахъ участки записаны были за каждымъ дворомъ отдѣльно. Жалуясь на недостатокъ земли, крестьяне Сученской волости Тотемскаго уѣзда писали: «у крестьянъ имѣются участки самыя малые, потому что опрѣчь своихъ повытковъ не имѣемъ, а которыя вымершія повыткы лежать впустѣ, владѣть безъ позволенія не смѣемъ»¹⁾. Крестьяне каждой волости вели особыя веревныя книги, въ которыя

¹⁾ Жители Куловской волости того же уѣзда, также указывая на недостатокъ пахатной земли, прибавляли: «у многихъ крестьянъ написано душъ по пяти, и по шести, и по семи, на таковыхъ же равномѣрныхъ повыткахъ у другихъ крестьянъ по одной и по двѣ души». Крестьяне Царевской волости повторяли буквально то же самое, называя только повытки «участками».

заносились подробныя свѣдѣнія о поземельныхъ участкахъ каждаго изъ нихъ.

Отчужденіе земель совершалось законнымъ порядкомъ, т. е. съ составленіемъ крѣпостныхъ актовъ, которые свидѣтельствовались въ присутственныхъ мѣстахъ. Не смотря на запрещеніе продавать земли, ихъ купля и продажа крестьянами, а также отдача своихъ участковъ въ приданое и проч., встрѣчались и въ началѣ нынѣшняго вѣка. Земли не только продавались, но и отдавались въ закладъ. Вотъ что говорятъ объ этомъ въ своемъ наказѣ крестьяне Шестаковского уѣзда Вятской провинціи. «Когда время наступитъ подушнаго сбора, а крестьянство за оскудѣніемъ своимъ берутъ у посадскихъ людей не по многому числу денегъ для окупленія подушнаго тягла, тако-жь бываетъ и на покупку себѣ въ пропитаніе хлѣба, и въ которыхъ заемныхъ деньгахъ даемъ вексели и за скоростію не отыскавши по себѣ порукъ и подписываемъ у кого какія есть и оставшія пахатныя земли и сѣнные покосы, и на то они смотря вексельнаго устава отдаютъ въ скорыхъ числѣхъ въ протесты и за изнеможеніемъ своимъ къ платежу вскорѣ отыскать и отдать въ уплату нечего, то садятъ по словесной просьбѣ въ магистратъ и содержатъ долговременно подъ карауломъ и берутъ на оныя пахатныя земли и сѣнные покосы закладныя партикулярныя письма и приговоры». Понятно, что такія заложеныя земли оставались въ постоянномъ пользованіи заимодавца.

Естественнымъ послѣдствіемъ отсутствія передѣловъ, а также свободнаго перехода земель изъ рукъ въ руки, было сильное имущественное неравенство. «Пашенная земля и сѣнные покосы», пишутъ крестьяне Мольской волости Тотемскаго уѣзда, «нынѣ во владѣніи состоятъ какъ въ жилыхъ деревняхъ и на пустошахъ въ неповерсткѣ противъ написанныхъ по нынѣшней переписи душъ не подесятинно, какъ о томъ межевая инструкція повелѣваетъ, но по прежнимъ писцовымъ книгамъ 195 году писца Никифора Озерова, что за кѣмъ написано было и въ дачу произведено, тѣмъ они и наслѣдники по нихъ владѣютъ и на сторону за излишествомъ продажу имѣли до полученія къ крѣпостнымъ дѣламъ о недачѣ крѣпостей указу, и таковыхъ многовладѣльцевъ земель находится не малое число, близъ не треть волости, то уже всѣмъ изобильны, а написанными душами легки, изъ многихъ по одной, по двѣ и по три души. А съ другой стороны имѣются почти на двѣ трети волости малоземельные и скудные, изъ нѣкоторыхъ за прежними отцей (отцовъ) ихъ продажами и вовсе земли не имѣется, и хотя де и найдется, то уже самое малое число, почти и во владѣніе вступить

не во что, а написанныхъ душъ имѣють тѣ малоземельные крестьяне по три и по четыре, и по пяти, и по шести душъ, изъ коихъ много умершихъ находится и платять подушныя деньги заработными деньгами». Крестьяне чувствовали необходимость устранения неравенства въ поземельныхъ угодьяхъ и несправедливой раскладки податей. Въ одномъ наказѣ того же Тотемскаго уѣзда сказано: «Между крестьянствомъ въ деревняхъ и въ пустошахъ по писцовымъ книгамъ и крѣпостямъ и другимъ сдѣлкамъ пашенная земля съ угодья не въ равенствѣ противъ написанныхъ м. п. душъ: у иныхъ на одну душу владѣнія противъ двухъ или трехъ, а въ платежѣ подушномъ малоземельнымъ и неимущимъ безъ подмоги за ихъ души отъ имущихъ много числа земель, которымъ безъ поверстки не малое отягощеніе и обида, а у иныхъ на такихъ же участкахъ земли и душъ не написано, и съ таковыхъ владѣній къ сбору подушному въ подмогу неимущества платять самое малое число, а иное и не платять». Какъ мы увидимъ ниже, мѣстами уже прямо высказывалось сознаніе, что единственный выходъ изъ такого положенія—передѣлъ земель.

Примѣромъ неравномѣрнаго распредѣленія земель можетъ послужить намъ Николаевская Матигорская волость (Двинскаго, т. е. Архангельскаго уѣзда), о которой до насъ дошла вѣдомость земельнымъ угодьямъ, составленная въ 1784 г. Въ этой волости восьмая часть населенія имѣла по 1,3 десятины пашенной земли и почти по три десятины сѣнокосной, а остальные имѣли пахатной земли менѣе чѣмъ по полудесятинѣ, сѣнокосной менѣе чѣмъ по десятинѣ. Такая неравномѣрность замѣтна не только по всѣмъ селеніямъ волости, вмѣстѣ взятымъ; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ она была еще виднѣе. Такъ, въ деревнѣ Запольской три души имѣли болѣе 18-ти десятинь, а 22 души имѣли вмѣстѣ 34 десятины; въ деревнѣ Климовой у одного крестьянина было болѣе пяти десятинь, а 47 душъ имѣли вмѣстѣ только 56 десятинь. Но иногда земельное неравенство было несравненно значительнѣе: крестьянинъ, имѣвшій нѣскольکو десятковъ половниковъ, конечно, долженъ былъ имѣть довольно обширныя поземельныя угодья.

Послѣдствіемъ свободнаго перехода поземельныхъ участковъ изъ рукъ въ руки было не только имущественное неравенство, но и уменьшеніе количества земли, находившейся въ распоряженіи крестьянъ той или другой волости, такъ какъ путемъ заклада и продажи значительная часть крестьянскихъ земель очутилась въ рукахъ купцовъ и посадскихъ сосѣднихъ городовъ, разныхъ канцелярскихъ чиновниковъ и даже духовныхъ лицъ. Понятно, что вслѣдствіе этого

въ наказахъ крестьянъ Велико-Устюжской и Вологодской провинцій, Олонецкаго уѣзда, Вятской провинціи и, наконецъ, Сибири—мы встрѣчаемъ множество жалобъ на стѣсненіе крестьянамъ отъ этихъ, такъ называемыхъ, «деревенскихъ владѣльцевъ».

Крестьяне Велико-Устюжскаго уѣзда, Бѣлослупскаго стана, заявляли, что за устюжскимъ купцомъ и деревенскимъ владѣльцемъ въ ихъ станѣ «имѣются деревенскія владѣнія на 20 лошадей, а сѣнныхъ покосовъ по тѣмъ его деревнямъ на 5,000 копенъ и рыбныя ловли, и съ тѣхъ ловель собираетъ кортомныхъ денегъ по немалому числу»¹⁾. По словамъ крестьянъ Лябельской волости, «деревенскіе владѣльцы устюжскіе купцы Андрей Пановъ, Иванъ Протодьяконовъ, за которыми нашей Лябельской волости разныхъ ихъ деревень пашенной земли состоитъ противъ насъ, черносопныхъ крестьянъ, большая половина и сѣнныхъ пещищныхъ покосовъ и оброчныхъ мѣсть противъ насъ втрое, и тѣмъ они довольствуются и богатѣютъ пребезмѣрно». Изъ этого видно, что купцы не всегда владѣли «крѣпостными» землями крестьянъ, а часто только брали въ аренду земли, раздаваемая на оброкъ всѣмъ желающимъ, но дѣло въ томъ, что, съ помощью взятокъ и другихъ средствъ, имъ нерѣдко удавалось получить въ аренду земли предпочтительно предъ крестьянами, хотя-бы пользованіе этими угодьями было въ высшей степени важно для крестьянъ той или другой волости.

Въ Усольскомъ уѣздѣ (той-же провинціи)²⁾, въ Лальской волости большею частию земель владѣли по закладнымъ и крѣпостямъ посадскіе и купцы Лальскаго посада. На большей части земель, прибрѣтенныхъ купцами, жили на половническомъ правѣ обѣднѣвшіе и лишившіеся своихъ участковъ черносопные крестьяне. Такъ, въ Пачеозерской волости Двинской четверти Усольскаго уѣзда, по словамъ тамошняго наказа, «угодные деревенскіе участки къ пахотѣ лучшія пашенныя земли и имѣющія довольное число сѣнныхъ покосовъ, тако-жъ и отъ крестьянскихъ деревень пещищные сѣнные покосы, пожни у многихъ Пачеозерской волости крестьянъ и съ написанными на тѣхъ земляхъ м. п. душами разными происками города Устюга-Великаго и Соли-Вычегодской купцы и посадскіе люди, и неимѣющіе купечества, и господь бароновъ Строгановыхъ служители къ себѣ забрали и завладѣли, и тѣ пашенныя земли по ихъ прошеніямъ отъ разныхъ судебныхныхъ мѣсть съ малымъ числомъ написанныхъ изъ государствен-

¹⁾ На стѣсненіе отъ владѣній купцовъ въ томъ-же Устюжскомъ уѣздѣ жаловались также крестьяне Ярокурскаго стана, Шеломанской и Ракульской волостей.

²⁾ Сольвычегодскъ назывался встарину Усольскомъ.

ныхъ черносошныхъ крестьянъ въ половничество..... отъ черносошныхъ крестьянъ за ихъ владѣльцевъ написано въ особый владѣльческій перечень» ¹⁾).

То же явленіе встрѣчаемъ мы и въ Яренскомъ уѣздѣ Велико-Устюжской провинціи. Въ Княжпогостской трети купцы Рыбниковы имѣли земли, на которыхъ они выставляли 12,000 копенъ сѣна и сѣяли 15 четвертей хлѣба, а въ Турецкой трети имъ принадлежало пашенныхъ земель на 34 четверти, а покосовъ на 22,500 копенъ, т. е. вдвое болѣе чѣмъ было покосовъ у крестьянъ этой послѣдней трети. То же мы видимъ и во многихъ другихъ волостяхъ Яренскаго уѣзда.

О томъ, что купеческое и мѣщанское землевладѣніе было весьма развито въ Велико-Устюжской провинціи, свидѣтельствуетъ и архангельскій губернаторъ Головцынъ въ своемъ заявленіи въ комиссію уложенія. По его словамъ, тамошніе купцы имѣютъ «въ уѣздахъ за собою во владѣніи немалое число государственныхъ черносошныхъ земель», такъ что «мысли ихъ купеческія больше къ деревенскимъ обрядамъ нежели къ распространенію коммерціи подвижны бываютъ». Многие изъ нихъ, «а особливо города Яренска, оставя городъ, живутъ по деревнямъ своимъ и, покинувъ купецкую торговлю, упражняются въ земледѣльствѣ».

Деревенскихъ владѣльцевъ изъ купцовъ, посадскихъ и разныхъ канцелярскихъ чиновъ мы находимъ также въ разныхъ волостяхъ Тотемскаго уѣзда Вологодской провинціи, въ Олонецкомъ уѣздѣ Новгородской провинціи, въ разныхъ уѣздахъ Вятской провинціи и, наконецъ, въ Сибири: въ Тюменскомъ уѣздѣ Тобольской и въ Енисейской провинціяхъ.

Завладѣніе купцами и посадскими значительною частью волостныхъ земель было тѣмъ болѣе непріятно для крестьянъ, что эти «деревенскіе владѣльцы» всячески уклонялись отъ несенія общественныхъ тягостей (дорожной и подводной повинности, службы въ выборныхъ должностяхъ и т. п.) и особенно отъ вспомоствованія крестьянамъ въ платежѣ податей за выбылыя души и за неимущихъ людей. А между тѣмъ, при приобрѣтеніи тяглой земли отъ крестьянъ, даже въ купчія крѣпости заносилось обязательство покупщиковъ платить подать съ этой земли соразмѣрно ея количеству и отбывать другія повинности наравнѣ съ крестьянами. Администрація въ слу-

¹⁾ Такія-же земли деревенскихъ владѣльцевъ находились въ Ильинскомъ погостѣ Вилегоцкой четверти и въ Окологородной волости Двинской четверти того-же уѣзда.

чаѣ жалобъ крестьянъ понуждала такихъ лицъ къ исполненію ихъ обязательствъ, но, какъ видно, это дѣлалось далеко не всегда, иначе мы не встрѣтили-бы такъ много указаній въ наказахъ на уклоненіе деревенскихъ владѣльцевъ отъ несенія общаго тягла. Укажемъ на одинъ примѣръ такого вмѣшательства администраціи въ пользу крестьянъ. Въ 1780 г., въ архангельской губернской канцеляріи производилось дѣло по челобитью черносозныхъ крестьянъ Двинскаго уѣзда Матигорской, Ухтостровской и Уемской волостей на архангельскихъ купцовъ Бажениныхъ о невнесеніи ими съ 1776 года денегъ въ счетъ уплаты за умершія и выбылыя души и другихъ сборовъ съ земель, купленныхъ у крестьянъ этихъ волостей предками Бажениныхъ (за ними накопилось всего 1,402 руб.). Хотя Баженины и отговаривались, что они не считаютъ себя обязанными платить подати, потому что земли ихъ наслѣдственныя и подати по закону должны взыскиваться не съ земли, а съ ревизскихъ душъ, обязательство-же ихъ предковъ, какъ не засвидѣтельствованное въ присутственномъ мѣстѣ, не имѣетъ никакой силы,—однако губернская канцелярія признала, что Баженины обязаны платить требуемые съ нихъ крестьянами сборы.

Точно также священно-и церковно-служители, владѣвшіе тяглыми землями, должны были нести тягло; но и они нерѣдко не исполняли этой обязанности. По словамъ крестьянъ Норенской трети, у нихъ «владѣютъ города Тотмы Предтеченской церкви священники съ причетники крестьянскою деревнею... невѣдомо по какимъ крѣпостямъ, въ которой деревнѣ сѣтся въ годъ ржи съ четверти 4 да сѣнныхъ покосовъ ставится возовъ съ 80», на которой землѣ могло-бы пропитаться около десяти душъ крестьянъ. Въ Куловской волости того-же уѣзда духовенство Богоявленскаго собора владѣло одною деревнею, въ которой было написано 20 душъ (вѣроятно, половниковъ), не платя никакой подати. Крестьяне Хлыновскаго уѣзда Вятской провинціи, какъ видно, ужь отчаялись въ возможности понудить этихъ деревенскихъ владѣльцевъ изъ духовенства къ несенію тягла наряду съ ними. «Священно-и церковно-служители», писали они въ своемъ наказѣ, «во многихъ нашихъ жительствовахъ владѣютъ пашенныя земли и сѣнные покосы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оброчныя, а въ другихъ безъоброчныя, а крестьянство при тѣхъ земляхъ въ подушный окладъ положены и оброчныя деньги платять кромѣ тѣхъ священно-и церковно-служителей, не хотя съ ними приходить во всегдашнюю ссору, претерпѣвая за то, что (ихъ) прихода и дѣти ихъ духовныя».

Наряду съ купцами, посадскими, духовенствомъ и канцеляр-

скими чинами и нѣкоторые крестьяне, владѣя землями, какъ не-населенными, такъ и населенными половниками, принадлежали къ числу деревенскихъ владѣльцевъ. Такъ, напримѣръ, въ Пачеозерской волости Усольскаго уѣзда изъ 369 душъ было 46 человекъ деревенскихъ владѣльцевъ. Жители Орловскаго уѣзда Вятской губернии жаловались въ своемъ наказѣ, что не только купцы, но и крестьяне, которые «имѣють рыбныхъ ловель и бортовыхъ угодій по великому числу верстъ», отдають ихъ въ года крестьянамъ тѣхъ-же селеній, «тѣми угодьями владѣя яко помѣщики, собирая за тѣ отданныя угодья договорные оброки и совокупляя свои капиталы». — «Очень легко имъ капиталы сохранять», прибавляютъ далѣе составители наказа, «что берутъ у нихъ угодья крестьяне-жь въ оброки, а ежели тѣхъ угодій въ оброки не взять, то нечѣмъ и пропитаніе имѣть». Другія свои поземельныя владѣнія (въ Орловскомъ уѣздѣ) деревенскіе владѣльцы изъ крестьянъ обрабатывали при помощи половниковъ, по обыкновенію уклоняясь отъ участія въ уплатѣ податей за выбылыя ревизскія души; на протесты противъ этого крестьянъ они отвѣчали, что земли ими куплены, а половниковъ грозили, въ случаѣ настоятельнаго требованія съ нихъ платежей, отослать обратно въ волость, что было вовсе нежелательно для крестьянъ, такъ какъ имъ тогда пришлось-бы надѣлать ихъ землями, въ которыхъ и безъ того чувствовался недостатокъ.

Поятно, что, въ виду такого стѣсненія въ земельныхъ угодьяхъ, черносопшныя волости просили отобрать у деревенскихъ владѣльцевъ ихъ земли для надѣленія ими крестьянъ. Въ одномъ наказѣ Тотемскаго уѣзда мы находимъ такую просьбу: «бывшія прежде деревни и пустоши и въ сошномъ письмѣ земли со всѣми угодья и по тѣмъ селеніямъ участки, состоящіе нынѣ въ владѣніи разнаго чина людьми какъ за купцами и канцелярскими служителями въ оброкахъ, также по купчимъ и закладнымъ крѣпостямъ и по другимъ незнаемымъ сдѣлкамъ и подъ именемъ недоброжелательныхъ крестьянъ,... изъ подъ упомянутыхъ поверстать въ достатокъ десятинъ общества на души, а имъ-бы впредь владѣніемъ ни подъ какимъ видомъ не производить». Крестьяне Орловскаго уѣзда Вятской провинціи, которые, какъ мы уже знаемъ, особенно жаловались на деревенскихъ владѣльцевъ, просили комиссію уложенія, «не приказано-ль будетъ рыбныя ловли и бортыя угодья отъ купцовъ и крестьянъ отобрать и для удовольствія всѣхъ живущихъ крестьянъ отдать крестьянскимъ старостамъ, чтобы могли крестьяне имѣть владѣнія оныхъ угодій по числу душъ, а не одни позиточныя капиталы свои сохраняли». Они просили также отобрать у деревен-

скіхъ владѣльцовъ изъ купцовъ и крестьянъ ихъ деревни «для удовольствія мало имѣющимъ земель». Такую же просьбу выражаютъ и крестьяне Хлыновскаго уѣзда, которые, кромѣ того, просили запретить купцамъ брать въ залогъ крестьянскія земли. Наконецъ, и архангельскій губернаторъ также считалъ необходимымъ, отобравъ у купцовъ половниковъ и надѣливъ ихъ купеческими землями, остальные изъ этихъ земель отдать въ черносочинны волости съ тѣмъ, чтобы крестьяне уплатили за нихъ купцамъ умѣренное вознагражденіе.

Проя возвратить отъ купцовъ нѣкогда заложеныя и проданныя земли, крестьяне желали, чтобы онѣ были разверстаны между ними подушно, но мѣстами созрѣло уже сознаніе, что такой разверсткѣ слѣдуетъ подвергнуть и тѣ земли, которыя оставались во владѣніи крестьянъ. Такъ, въ наказѣ Мольской волости Тотемскаго уѣзда, послѣ указанія на сильную неравномѣрность поземельныхъ угодій, прибавлено: «а ежели по сему представленію по указомъ прав. сената приказаніе о разверсткѣ земли противъ написанныхъ душъ учинено будетъ какъ способіе по десятинамъ въ равенствѣ, и то въ нашей Мольской волости противъ написанныхъ 1,381 души земли будетъ (т. е. достаточно) какъ въ деревняхъ и на пустошахъ оброчныхъ и лѣсомъ порослыхъ». Изъ того же наказа видно, что Тотемская воеводская канцелярія уже предлагала крестьянамъ «поверстку земли», но «большетяглые крестьяне поступаютъ въ силу прежнихъ указовъ и по писцовымъ книгамъ и числятъ за родовыя свои вотчины». Такимъ образомъ, зажиточные крестьяне, какъ и слѣдовало ожидать, были противъ передѣла земель по душамъ, и если мы въ крестьянскихъ наказахъ нашли только одно ясно выраженное желаніе такого передѣла, то, быть можетъ, это объясняется ихъ вліяніемъ: извѣстно, что и въ настоящее время міроѣды, иначе называемые «мірососами» и «каіафами», пользуются огромнымъ вліяніемъ среди крестьянъ на сѣверѣ Россіи. Крестьяне Мольской, а быть можетъ, и другихъ волостей, ждали правительственнаго указа для производства уравнительной разверстки земель. Посмотримъ-же, какія мѣры принимало правительство въ этомъ отношеніи.

II.

Мѣры правительства относительно крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ Россіи.—Введеніе общиннаго землевладѣнія въ Архангельской губерніи.

Еще въ половинѣ XVII столѣтія правительство старалось прекратить отчужденіе земель черносопными крестьянами. Въ 1649 г. крестьянамъ заонежскихъ погостовъ вовсе запрещено было продавать и закладывать свои земли, а проданныя велѣно было отобрать назадъ безденежно; каргопольскимъ и турчасовскимъ крестьянамъ въ 1663 г. позволено было выкупать назадъ проданные и заложенные участки. Но, съ другой стороны, посадскіе люди города Великаго Устюга продолжали пользоваться правомъ владѣнія землями, перешедшими къ нимъ отъ крестьянъ по купчимъ и закладнымъ, подтѣмъ только условіемъ, чтобы поселенные на нихъ половники несли всѣ волостныя тягости наравнѣ съ крестьянами (указъ 1652 г.). Это право они сохранили до половины XVIII в. Только въ 1751 г. велѣно было отобрать въ казну у посадскихъ поморскихъ городовъ всѣ тѣ земли, которыми они владѣли не по жалованнымъ грамотамъ и писцовымъ книгамъ, а были приобрѣтены по купчимъ и закладнымъ отъ черносопныхъ крестьянъ. Но черезъ два года этотъ указъ былъ отмѣненъ и снова разрѣшено было крестьянамъ продавать земли посадскимъ и обратно, лишь бы онѣ не были продаваемы помѣщикамъ и разнымъ постороннимъ людямъ, а также отдаваемы монастырямъ, архіерейскимъ домамъ и церквамъ.

Согласно съ этимъ и съ межевою инструкцію 1754 года, велѣно было отобрать назадъ земли, отчужденныя въ руки приказныхъ служителей и разныхъ лицъ, неположенныхъ въ подушный окладъ, а также отданныя къ архіерейскимъ домамъ, монастырямъ и церквамъ, и, напротивъ, утвердить продажи, сдѣланныя крестьянами посадскимъ людямъ и обратно.

Въ указѣ 1753 г. и въ первой межевой инструкціи мы видимъ только заботливость, чтобы земли не выходили изъ рукъ тяглыхъ людей, но жизненная практика указывала на то, что свободная перепродажа земель вредна для благосостоянія крестьянъ и въ этомъ случаѣ, если-бы она производилась только между самими крестьянами. Въ докладѣ, представленномъ Козьминимъ императрицѣ въ 1765 г., онъ обращаетъ вниманіе на то, что черносопные крестьяне продаютъ другъ другу земли какъ помѣщики, «а потому одинъ имѣетъ земли со излишествомъ, а другой съ недостаткомъ; ... нерадѣтельные къ хлѣбопашеству земли продаютъ и закладываютъ и деньги проматываютъ, отчего приходятъ въ нищету». Во избѣжаніе этого Козьминъ

предлагалъ императрицѣ предписать именнымъ указомъ, чтобы черносошные крестьяне не продавали и не закладывали своихъ земель, отобрать, у кого изъ нихъ есть, крѣпости на прежде купенныя земли, а впредь «дѣлить имъ земли и раздавать въ волостяхъ недостаточнымъ равномѣрно такъ, какъ и помѣщики своихъ крестьянъ, по числу людей, кто что снести можетъ, уравнивають».

Только первая часть предложенія Козьмина была внесена въ межевую инструкцію 1766 года; что касается введенія на сѣверѣ Россіи того типа общиннаго землевладѣнія, который уже въ то время существовалъ въ ея центрѣ, то это было сдѣлано, и то не повсемѣстно, уже въ XIX вѣкѣ.

Межевою инструкціею было предписано: 1) Если кто изъ черносошныхъ крестьянъ свои тяглыя земли, деревенскіе участки и всякія угодья отдали въ поминовленіе по умершимъ и вкладомъ въ архіерейскіе дома, монастыри и къ церквамъ, а также продали, заложили и уступили воеводамъ, канцелярскимъ служителямъ, причетникамъ, монастырскимъ служкамъ и другимъ людямъ, не положеннымъ въ подушный окладъ, или если кому изъ нихъ отданы земли отъ канцелярій вслѣдствіе исковъ, всѣ такія угодья возвращать безденежно по прежнему къ землямъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ. 2) Земли, приобрѣтенныя «людьми разныхъ чиновъ» отъ крестьянъ, на которыхъ затѣмъ поселились половники, также отбирать и примежевывать къ государственнымъ землямъ. При этомъ земли, проданныя тамошнимъ посадскимъ или посадскими государственнымъ крестьянамъ, подлежали особому разсмотрѣнію, но и изъ нихъ слѣдовало утверждать лично за тѣмъ или другимъ владѣльцемъ только принадлежащія по именнымъ указамъ и жалованнымъ грамотамъ. 3) «Съ изданія сей инструкціи, какъ купцамъ, такъ и государственнымъ крестьянамъ, имѣющихъ въ поморскихъ городахъ за ними недвижимыхъ имѣній, до будущаго впредь по снятымъ планамъ разсмотрѣнія, никому, какъ постороннимъ, такъ и между собою, не продавать и не закладывать, и въ иски, также по векселямъ и за долги не отдавать, а кто и отдастъ, то даннымъ, крѣпостямъ, закладнымъ записямъ и отдачамъ быть недействительными». 4) Земли, оставшіяся послѣ умершихъ государственныхъ крестьянъ, на которыхъ они положены въ подушный окладъ, наслѣдникамъ и женамъ на части не дѣлить, и по наслѣдству дочерямъ и въ приданое выходящимъ замужъ за людей другаго званія или хотя и за государственныхъ крестьянъ, но въ другія селенія—не отдавать, а оставлять при тѣхъ селеніяхъ, къ которымъ онѣ будутъ примежеваны. Если же послѣ крестьянина останутся только дочери и онѣ выйдутъ

замужъ за государственныхъ крестьянъ, которые пожелаютъ жить на земляхъ ихъ женъ, то такія земли имъ отдавать, а участки, принадлежавшіе имъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ они прежде жили, оставлять прочимъ жителямъ тѣхъ деревень.

Такимъ образомъ межевая инструкция не предписывала передѣловъ, но, прекращая не только отчужденіе земель постороннимъ лицамъ, но и переходъ земельныхъ участковъ изъ рукъ въ руки среди членовъ одной и той же волости, она подготовляла почву для введенія передѣловъ, когда для этого настанетъ время. Однако и продажа земель прекратилась не сразу: два года спустя, сенату приходилось подтвердить, чтобы черносошные крестьяне не совершали купчихъ крѣпостей на землю. Этого и слѣдовало ожидать, такъ какъ въ наказахъ Велико-Устюжскаго, Яренскаго и Олонецкаго уѣздовъ мы встрѣчаемъ просьбы о разрѣшеніи вновь продавать и закладывать земли. Въ Велико-Устюжскомъ уѣздѣ только въ одномъ наказѣ выражается такое желаніе, мотивированное слѣдующимъ образомъ: «неимѣющіе дѣтей, а сами за слабымъ своимъ здоровьемъ или за старостью домашнюю экономію управлять и состоящую за ними пашенную землю работою снабждать въ несостояніи, а продавать недозволено, отчего за ними состоящія деревни приходятъ въ крайнее несостояніе и запустѣніе и написанныя на тѣхъ деревняхъ души располагаются на прочихъ той волости крестьянъ, отчего и происходитъ общественная нужда и отягощенія». Дозволеніе же перепродажи земель между государственными крестьянами будетъ весьма полезно, такъ какъ «одинъ отъ другаго получа, какъ напредъ сего и дѣйствительно оказывалось, что яко въ родѣ доставшееся ему по крѣпостямъ недвижимое имѣніе, то для потомковъ своихъ съ надеждою прикладывали усердное стараніе и въ пользу государственную какъ пашенную землю, такъ и сѣнные покосы разчищали и въ лучшей приводили порядокъ». Изложеніе этого наказа слишкомъ отзывается, такъ сказать, владѣльческимъ духомъ и это мѣсто какъ будто написано подъ вліяніемъ проповѣди о необходимости полнаго права собственности на землю для производства земледѣльческихъ улучшеній. Быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что наказъ былъ составленъ не самими крестьянами (въ отлучіе отъ другихъ, онъ подписанъ только священникомъ и «мірскихъ дѣлъ писчикомъ»; вѣроятно, въ волости не было грамотныхъ); надо думать, что на слогъ этого наказа оказало вліяніе участіе въ этомъ дѣлѣ священника. Гораздо проще и ближе къ истинѣ формулировано то же желаніе въ наказахъ Яренскаго уѣзда, гдѣ оно повсемѣстно повторяется въ одной формѣ: «просить дозволенія въ покупкѣ,

въ продажѣ и въ закладѣ всякому своихъ природныхъ и покупныхъ хлѣбопашенныхъ и сѣнокосныхъ земель и въ письмѣ на тѣ земли послѣ выкупу родственниками въ указанный срокъ купчихъ и закладныхъ крѣпостей, дабы въ случаѣ которые крестьяне придуть въ упадокъ, то бы могли для поправленія себя подъ закладъ земель деньги занимать, а съ другой стороны, надѣясь на закладъ, охотнѣе давать». Тутъ выставлена дѣйствительная причина продажи крестьянами земель—нужда въ деньгахъ. Но что бы ни проповѣдывали составители одного изъ велико-устюжскихъ наказовъ о плодотворныхъ для государства результатахъ дѣятельности земледѣльца, руководимаго желаніемъ увеличить свой наслѣдственный участокъ, обезземеленіе, къ которому приводила многихъ свободная продажа земель, выгодная лишь для кулаковъ,—плохой исходъ изъ нужды, и правительство вѣрно поняло это.

Каргопольскіе крестьяне, также ходатайствовавшіе въ своихъ наказахъ о дозволеніи продавать и мѣнять между собою земельные участки, мотивировали это тѣмъ, что нѣкоторые изъ нихъ не имѣли средствъ обрабатывать свою землю и платить подати, между тѣмъ какъ при продажѣ земель пріобрѣтавшіе ихъ принимали на себя уплату подушныхъ денегъ за продавца. Во время преній въ коммисіи уложенія (по поводу послѣдняго наказа) относительно разрѣшенія продажи земель крестьянамъ—голоса раздѣлились. Одни были противъ этого, находя, что вслѣдствіе такой продажи потомки многихъ крестьянъ обнищаютъ, между тѣмъ какъ неимѣющіе средствъ обработать свой участокъ могутъ отдавать его погодно въ кортому семейнымъ людямъ; другіе, не высказываясь положительно за запрещеніе продажи, находили однако необходимымъ, чтобы продающій землю оставлялъ за собою участокъ, достаточный для его прокормленія, или имѣлъ бы право во всякое время выкупить ее. Однако правительство продолжало относительно черносошныхъ крестьянъ придерживаться взглядовъ, высказанныхъ въ межевой инструкціи, и не отиѣняло запрещенія продавать земли.

Вредныя послѣдствія свободной перепродажи поземельныхъ участковъ правительство замѣтило въ нынѣшней Олонецкой губерніи, между прочимъ, въ тѣхъ самыхъ заонежскихъ погостахъ, гдѣ крестьянамъ запрещено было продавать землю еще въ 1649 г. Со времени Петра Великаго крестьяне, жившіе въ этой мѣстности, были приписаны къ олонецкимъ заводамъ, но такъ какъ эта приписка не могла повліять на характеръ ихъ поземельныхъ отношеній и такъ какъ до того это были крестьяне черносошные, то мы находимъ болѣе удобнымъ коснуться здѣсь этого вопроса.

Правительство должно было обратить вниманіе на бытъ этихъ крестьянъ вслѣдствіе волненія, происходившаго среди ихъ въ 1769—1771 гг. Коммисія, посланная для ихъ усмиренія, въ докладѣ сенату заявила, что крестьяне «земляныя свои участки въ поляхъ продаютъ и закладываютъ между собою и постороннимъ, живущимъ въ ихъ селеніяхъ разнаго званія людямъ, а сами по лѣности многіе, сдѣлавшись тунеядцами и брося дома, бродятъ по разнымъ мѣстамъ; нѣкоторые-жъ изъ нихъ, самовольно записавшіеся и разными магистратами незаконно причисленные въ купечество, живутъ на прежнихъ своихъ участкахъ и по давнему беспорядку всѣхъ изъ нихъ владѣютъ папшенными землями безъ раздѣленія на тяглы, но яко вотчинники по наслѣдствамъ, о которыхъ происходятъ только междоусобія, слѣдствія и суды, продолжающіеся черезъ многіе годы».

Коммисія находила необходимымъ принять слѣдующія мѣры:

- 1) На основаніи межевой инструкціи 1766 г. земли обмежевать къ селеніямъ «порознь по волостямъ и деревнямъ».
- 2) У постороннихъ, которые какимъ бы то ни было образомъ завладѣли землями, ихъ отобрать и по прежнему причислить къ селеніямъ, а кто незаконно покупалъ у крестьянъ государственныя земли или бралъ въ закладъ, тѣмъ вѣдаться въ деньгахъ судомъ съ продавцами и закладчиками.
- 3) «Между крестьяны земли и всѣ угодья смѣшавъ, раздѣлить порядочно на тяглы по душамъ и по имуществу, а съ того уже быть какъ раскладамъ подушнаго платежа, такъ всѣмъ службамъ и заводскимъ работамъ, родословія-жъ и наслѣдства ихъ отрѣшить, продажи, заклады, мѣны и покупки уничтожить и впредь въ письмѣ таковыхъ учинить запрещеніе».
- 4) «И какъ хозяйственное между крестьяны распоряженіе требуетъ ежегодно въ подушныхъ платежахъ уравненія такого, что на иного за умершихъ и по другимъ случаямъ убылыхъ прибавлять, съ иного-жъ уменьшать,—то при такимъ случаяхъ съ перваго раздѣленія участкомъ нѣкоторымъ свое сдавать, а другимъ изъ платежа временнаго на себя снимать не запрещать, а который крестьянинъ хотя и по числу своего семейства, однако - жъ по скудости и по другимъ обстоятельствамъ полнаго принадлежащаго ему участка овладѣть и съ онаго платежа и работъ снести не можетъ, таковыя міромъ приписывать къ другимъ имущимъ, а его до времени оставлять на томъ тяглѣ, каковое поносить въ силахъ, и расклады таковыя предоставить на общее самихъ - же ихъ мірское уравненіе, которое сдѣлать имъ всегда правильно, безъ малѣйшаго другъ друга отягощенія, чрезъ что и всякихъ уже нынѣшнихъ вредныхъ своихъ лишатся тяжель».

недких-же посадскихъ, поселившихся среди крестьянъ, комиссія предлагала выслать въ городъ.

Относительно возбужденнаго этимъ докладомъ вопроса сенать потребовалъ мнѣнія бергъ-коллегіи; та вошла въ сношеніе съ канцелярією олонецкихъ Петровскихъ заводовъ и въ 1778 г. получила отъ нея донесеніе, вполнѣ подтверждавшее предложенія слѣдственной комиссіи. Канцелярія считала необходимымъ всѣ земли, деревенскіе участки и сѣнные покосы, кому-бы они ни принадлежали—посадскимъ - ли или государственнымъ крестьянамъ,—размежевать между ними «по числу ихъ тягла» и причислить къ тѣмъ селеніямъ, къ которымъ они прилегли, а крѣпости на тѣхъ земляхъ, закладныя, духовныя и векселя, данныя отъ крестьянъ купцамъ, уничтожить, «потому болѣе, что они, живъ при тѣхъ селеніяхъ издавна, многое время и въ малой цѣнѣ заложеными въ большомъ количествѣ участками пользуясь, свои деньги чрезъ продукты давно уже возвратили»; да и впредь продавать, закладывать и инымъ способомъ укрѣплять запретить. Если же кто изъ купцовъ пожелаетъ остаться въ деревнѣ съ обыкновеннымъ крестьянскимъ тягломъ и нести всю мірскую тягость вмѣстѣ съ крестьянами, не исключая и заводской работы (съ этимъ условіемъ изъ крестьянъ и записывались въ купечество), то въ этомъ имъ не препятствовать; въ противномъ же случаѣ по размежеваніи земель вывести ихъ для поселенія въ города. Бергъ-коллегія одобрила это предложеніе и сенать въ 1781 г. приказалъ его исполнить.

Можно было ожидать, что послѣ этого указа та форма общиннаго землевладѣнія, которая уже въ то время существовала въ центральной Россіи, будетъ введена и въ Олонецкомъ краю. Намъ неизвѣстно, какія мѣры были приняты для исполненія сенатскаго указа 1781 года, но если мѣстная администрація и пыталась его исполнить, то, значить, ея попытки совершенно не удались. По свидѣтельству Лалоша, въ Петрозаводскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ Олонецкой губерніи, т. е. именно тамъ, гдѣ жили въ прошломъ вѣкѣ крестьяне, приписанные къ олонецкимъ заводамъ, до сихъ поръ вовсе не бываетъ передѣловъ; не передѣляется хотя бы часть пашень и покосовъ, какъ это бываетъ въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ. «Тамъ всякій сочленъ общины, всякій работникъ или домохозяинъ владѣть «своимъ»; тамъ принципъ «работать промежь себя» блюдется не только въ пользованіи подсѣчными пашнями и лѣсными сѣнокосами, но прилагается и къ трехпольнымъ пашнямъ». Очевидно, и въ настоящее время по мѣстнымъ условіямъ не настало еще время для введенія передѣловъ, къ которымъ приступили уже

въ другихъ уѣздахъ; понятно, что хотя правительство могло прекратить тутъ перепродажу земель, но ему не удалось ввести раздѣленія земли по тягламъ.

Въ Архангельской губерніи администрація также стала настаивать при Екатеринѣ на равномерномъ раздѣлѣ земель между крестьянами. Хотя эти пожеланія, по видимому, еще не осуществлялись, но всетаки среди крестьянъ все болѣе созрѣвала мысль о необходимости уравнительнаго раздѣла земель. Это видно, напримѣръ, изъ такого факта: крестьяне Куреской волости, Холмогорскаго уѣзда, присоединивъ къ своимъ владѣніямъ земли, нѣкогда принадлежавшія церкви и ея причту, раздѣлили ихъ по паямъ между неимущими для уравниенія съ другими, а оброкъ за эти земли рѣшили внести въ уѣздное казначейство всѣмъ обществомъ.

Но отдача земель въ залогъ, вопреки запрещенію межевой инструкціи, продолжалась въ Архангельской губерніи еще въ первой четверти XIX вѣка. Такъ, напримѣръ, въ 1817 г. пильгорскіе выборные доносили, что крестьянинъ Лудниковъ не вноситъ подушной подати, отговариваясь тѣмъ, что «земля заложена въ закладъ отцомъ его у восьми челоуѣкъ». Земскій судъ предписалъ: Лудникова ко взносу подушныхъ денегъ не принуждать, а взыскать ихъ съ пользующихся землею. Въ томъ же году исправникъ предписалъ выборнымъ «строжайше смотрѣть, дабы крестьяне отнюдь не дѣлали никакихъ закладовъ казеннымъ землямъ, въ силу запрещенія сенатскаго указа; а ежели сіе послѣдуетъ, отъ закладчика отнимется безденежно и отдастся въ общество». Однако и послѣ того переуступка земель не прекращалась.

Наконецъ, циркулярнымъ распоряженіемъ министра финансовъ 1829 г. было предписано ввести въ Архангельской губерніи передѣлы земли. Мѣстами это распоряженіе, приведенное въ дѣйствіе Архангельскою казенною палатою въ слѣдующемъ году, вызвало неудовольствіе среди крестьянъ, такъ какъ правительство не обращало вниманія на существованіе земель, находившихся въ пользованіи цѣлой волости, и требовало непременно раздѣленія земли порознь къ каждой деревнѣ. Выборные одной волости, донося казенной палатѣ о полученіи и прочтеніи при земской избѣ всему крестьянскому обществу указовъ, которыми предписывалось «о непремѣнномъ раздѣлѣ пашенной и сѣнокосной земли въ каждой деревнѣ порознь послѣдней ревизіи мужеска пола по тягламъ,» заявляли, что «въ общемъ собраніи нѣкоторые крестьяне по сему предмету не согласны и прочихъ возмущаютъ крестьянъ, желаютъ нашей волости произвести раздѣлъ земли, вопреки указаго повелѣ-

нія, по всей волости (вообще), на каждую ревизскую м. п. душу по равному количеству, потому что одна противъ другой деревни находится земли не по равному количеству на души». Выборные заявляли, что въ теченіе осени въ 1830 г. у нихъ было одиннадцать мірскихъ сходокъ о раздѣлѣ земли, но они не могли склонить крестьянъ къ раздѣлу порознь въ каждой деревнѣ. Однако ходатайства крестьянъ объ уравнительномъ раздѣлѣ всѣхъ волостныхъ владѣній не были удовлетворены. По поводу одной изъ такихъ просьбъ казенная палата рѣшила въ слѣдующемъ году: «домогательству ихъ, дабы черезъ общій по волости раздѣлъ земель воспользоваться такою въ добавокъ своей отъ другихъ селеній, противно законнымъ правиламъ и предписаніямъ высшаго начальства, по точности коихъ каждое селеніе дѣлится только принадлежащія одному ему земли между крестьянами онаго, не входя въ границы земель другихъ селеній».

Послѣ перваго передѣла земель было еще немало споровъ: одинъ крестьянинъ захватывалъ часть поля своего сосѣда и дѣло доходило до кровавой драки; другой, получивъ въ надѣлъ землю уже засѣянную, не давалъ снять съ нея «руна», т. е. хлѣба; въ третьемъ случаѣ вдова по смерти мужа получала приходившуюся на его долю пахатной земли, но по прояскамъ мірскаго писчика ей не отводили покоса и т. п. Земскому суду и казенной палатѣ приходилось не разъ постановлять рѣшенія по поводу подобныхъ жалобъ. Постепенно однако передѣлы вошли въ обыкновеніе среди крестьянъ Архангельской губерніи. Первый раздѣлъ былъ совершенъ въ 1831 г., второй въ 1834 г. во время восьмой ревизіи, третій въ 1852 г. при девятой переписи и, наконецъ, четвертый въ 1858 г. при десятой ревизіи. Но не смотря на административное давленіе, крестьяне сохранили нѣкоторые обычаи, которымъ они придавали большое значеніе. Такъ, напримѣръ, и въ настоящее время, хотя передѣлы бывають обыкновенно въ каждой деревнѣ особо, но мѣстами они производятся и сообща въ нѣсколькихъ деревняхъ, если онѣ издавна имѣли общія земли. Кромѣ того, при передѣлахъ коренная земля, т. е. издавна находившаяся въ пользованіи одного семейства, особенно если она въ свое время была хорошо обрабатываема, не отбирается отъ владѣльца, хотя бы изъ приходившихся прежде на его долю поземельныхъ владѣній и необходимо было сдѣлать отрѣзокъ на души другихъ; въ такомъ случаѣ отдѣляется нужное количество изъ вырѣзной земли, т. е. поступившей во владѣніе въ недавнее время. Существуетъ также обычай мѣняться участками общественнаго надѣла, закладывать (напримѣръ, пожни) и завѣщать—кому изъ наследниковъ какимъ участкомъ пользоваться послѣ смерти хозяина ¹.

¹) Ефименко. Сборн. народн. юрид. обыч. 74, 76 стр.

III.

Количество земли у крестьянъ. — Жалобы на ея недостатокъ. — Бобыли. — Арендование земли.

Познакомившись съ формою крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ Россіи, мы переходимъ теперь къ вопросу о количествѣ земли, находившейся въ ихъ пользованіи. Къ сожалѣнію, относительно прошлаго столѣтія мы вообще имѣемъ объ этомъ весьма мало точныхъ данныхъ, тѣмъ труднѣе имѣть ихъ о тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, которыхъ генеральное межеваніе коснулось лишь въ нынѣшнемъ вѣкѣ. За неимѣніемъ другихъ источниковъ, намъ опять придется воспользоваться крестьянскими наказами; но въ этомъ случаѣ это матеріалъ крайне односторонній: крестьяне, естественно, касаются этого вопроса только тогда, если чувствовался недостатокъ въ землѣ, слѣдовательно, мы имѣемъ указанія лишь относительно наименьшаго количества земли и лишены возможности опредѣлить средній размѣръ крестьянскихъ земельныхъ участковъ. За то отсутствіе жалобъ въ наказахъ той или другой мѣстности на бѣдность землю можетъ служить вѣрнымъ признакомъ того, что крестьяне вообще не чувствовали въ ней недостатка. Такъ, на примѣръ, мы вовсе не встрѣчаемъ такихъ жалобъ въ наказахъ Архангельской провинціи (нынѣ губерніи) и, дѣйствительно, изъ свидѣтельства одного современника, хорошо знавшаго этотъ край, видно, что у крестьянъ было не мало земель. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ, по словамъ Крестинина, у крестьянъ всего чаще было столько пашни, что они засѣвали отъ пяти до 15-ти мѣръ или полчетвертей ячменя. Такъ какъ въ Архангельской губерніи на десятинѣ сѣяли отъ одной до двухъ четвертей ячменя или, въ среднемъ, полторы четверти, то выходитъ, что у крестьянъ было одной пашни отъ $3\frac{1}{3}$ до 10 десятинъ на дворъ (во дворѣ, среднимъ числомъ—шесть душъ); съ ихъ пожень собиралось отъ 75 до 300 копенъ сѣна ¹⁾. Но были крестьяне и богаче, такъ что у нѣкоторыхъ (по приведенному выше расчету) было отъ 14 до 16 десятинъ пашни, а съ пожни собиралось отъ 600 до 800 копенъ сѣна. Однако и здѣсь мѣстами земли было маловато. По словамъ вѣдомости, составленной въ 1765 г., въ Николаевской Матигорской волости, «въ

¹⁾ Каждый такой участокъ пашни съ соответственнымъ количествомъ покосу стоилъ отъ 150 до 500 р.

разсужденіи климата и доброты земли», считалось необходимымъ имѣть на каждую душу по полдесятинѣ пахатной земли и по $1\frac{1}{2}$ десятины сѣнокосной; а между тѣмъ въ это время въ ней приходилось первой менѣ чѣмъ по полдесятинѣ, а второй менѣ десятины на душу. Въ Богоявленской Ухтостровской волости на 394 души было только 538 десятинъ пашни и покосу.

Въ наказахъ Устюжской провинціи (уѣзды Устюжскій, Сольвычегодскій и Яренскій) мы, напротивъ того, очень часто встрѣчаемъ жадобы на недостатокъ земли. Въ Устюжскомъ уѣздѣ въ Шемогопкой и Ягрышской волостяхъ пашенной земли было немногимъ болѣе $\frac{1}{4}$ десятины («по пяти осьминѣ четверти»); въ Ильинскомъ погостѣ, Ентальской волости и въ Спасо-Преображенскомъ погостѣ Ярокурскаго стана на каждую душу сѣялось всего по три четверика; въ Бѣлокурскомъ станѣ, въ Варженскомъ погостѣ и въ Троицкомъ станѣ Ентальской волости—по одной осьминѣ на душу. Такъ какъ въ этой мѣстности сѣяли около $1\frac{1}{2}$ четверти ржи на десятинѣ, то, слѣдовательно, здѣсь на душу приходилось по $\frac{1}{3}$ десятины пашни. Но мы полагаемъ, что всѣ эти цифры показываютъ количество земли или засѣваемаго хлѣба въ каждомъ полѣ, и что, слѣдовательно, всего было пашни отъ $\frac{3}{4}$ до 1 десятины на душу. Это подтверждается слѣдующими словами наказа Лужской волости: «всего по примѣрному положенію одного поля пашни во всей волости подъ нами черносопными крестьянами 62 десятины... а написанныхъ м. п. при оныхъ пашняхъ 223 души»; тутъ, слѣдовательно, приходилось въ каждомъ полѣ менѣ $\frac{1}{3}$ десятины на душу, а во всѣхъ поляхъ нѣсколько болѣе $\frac{3}{4}$ десятины. Въ Утмановской волости было болѣе земли: сѣялось «всякаго хлѣба на каждую м. п. душу по $1\frac{1}{2}$ четверти».

Въ Сольвычегодскомъ (или, какъ тогда называли, Усольскомъ уѣздѣ), въ Ратмеровской волости, приходилось на каждую душу пахатной земли «по пяти осьминѣ четверти», т. е. нѣсколько болѣе четверти десятины въ каждомъ полѣ. Въ Окологородной волости на 316 душъ (кромѣ которыхъ было еще 79 безземельныхъ бобылей) было пашенной земли въ полѣ $77\frac{1}{2}$ десятинъ, «а въ дву по тому-жъ», слѣдовательно, всего болѣе $\frac{2}{3}$ десятинъ на душу, сѣна 1,535 копенъ; а у 120 душъ, приписанныхъ къ волости бывшихъ монастырскихъ половниковъ, было пашенной земли во всѣхъ поляхъ 69 десятинъ, слѣдовательно, немногимъ болѣе $\frac{1}{2}$ на душу, сѣна 3,250 копенъ. Вслѣдствіе такого недостатка земли и ея плохаго качества, изъ крестьянъ Окологородной волости пропитывались своимъ хлѣбомъ только 41 семья, а 53 семьи должны были его прикупать. По

расчету крестьянъ, для тѣхъ, кому недоставало своего хлѣба, и для бобылей нужно было бы еще пашни и сѣнныхъ покосовъ около 70 десятинъ, но болѣе удобной для обработки земли въ ихъ волости не было.

Въ Яренскомъ уѣздѣ въ одной волости на 400 душъ сѣяли 100 четвертей ржи и 150 ячменя, а въ Турецкой трети было особенно мало пахатной земли—на 616 душъ 112 четвертей; но за то на тамошнихъ покосахъ выставляли 11,475 волоковыхъ копенъ. Въ этой трети очень много земель было во владѣніи купцовъ Рыбниковыхъ. Въ Сученской волости, Тотемскаго уѣзда (Вологодской провинціи), на семью въ 4—6 душъ сѣялось хлѣба по одной и по 1½ четверти.

Кромѣ этихъ точныхъ указаній на количество земли, находившейся во владѣніи крестьянъ, мы встрѣчаемъ еще не мало жалобъ на ея недостатокъ. Такъ, въ Устюжскомъ уѣздѣ мы находимъ такую жалобу въ наказахъ семи волостей, въ Тотемскомъ—въ пяти наказахъ. Но нужно замѣтить, что если пахатной земли было иногда очень мало, за то обыкновенно было значительное количество покосовъ. Черносошные крестьяне, жившіе въ Саратовѣ, заявляли въ своемъ наказѣ, что хотя Саратовскій округъ отведенъ былъ въ 1701 году для горожанъ, но живущіе въ городѣ офицеры, городовые дворяне, купцы и приказные служители завладѣли по рѣкамъ самыми удобными мѣстами, самовольно перевели на нихъ своихъ крестьянъ и стѣснили коренныхъ жителей до такой степени, что для прокормленія своего скота они вынуждены нанимать у нихъ дуга въ своемъ же округѣ; сверхъ того, эти владѣльцы запрещаютъ имъ пользоваться лѣсомъ и причиняютъ имъ другія обиды. Черносошные крестьяне города Петровска (Симбирской провинціи) жаловались на то, что ихъ начали стѣснять землями ради переселенія иностранныхъ колонистовъ. «Въ прошлыхъ давнихъ годѣхъ дѣды наши и отцы», писали они въ своемъ наказѣ, «изъ разныхъ мѣстъ переведены по указамъ на житье въ городъ Петровскъ, въ коемъ обще съ пахатными солдаты и поселены и вообще-жъ владѣнія имѣли землю, коя имъ отведена была окружною межою и сѣнными покосы и всѣми угодья и повелѣно владѣть, что и было во владѣніи въ каждую отъ города сторону кромѣ выпуска по 20 верстъ тысячныхъ»... Теперь же, отыскивая свободныя земли для поселенія иностранцевъ, имъ намеваютъ на каждую душу по 15 десятинъ, что при переложной системѣ хозяйства они считали недостаточнымъ (они снимали хлѣбъ на одномъ мѣстѣ лѣтъ 10, а затѣмъ распахивали другія мѣста); лѣсу строеваго у нихъ нѣтъ; былъ прежде у нихъ въ общемъ владѣніи съ пахатными солдатами лѣсъ верстахъ въ 30-ти отъ го-

рода Петровска, но теперь онъ отъ нихъ отмежеванъ и въѣздъ туда запрещенъ; рубить же лежащій по близости дубовый лѣсъ также не дозволялось.

Крестьяне Уфимской провинціи также жаловались на недостаточность пахатной земли, такъ что они принуждены арендовать ее у башкирѣ. Крестьяне одной слободы бугульминскаго вѣдомства Оренбургской губерніи заявляли въ своемъ наказѣ, что они стѣснены въ земляхъ помѣщикомъ Новокрещеновымъ: когда ихъ слободѣ отводили земли, онъ былъ воеводою и отрѣзалъ имъ пашни вплоть до рѣчки, которая течетъ подлѣ самой ихъ околицы, а земля, отведенная съ другой стороны, для хлѣбопашества неудобна.

Какъ на одну изъ причинъ недостатка земли, крестьяне Велико-Устюжской и Вятской провинцій указывали на отрѣзку большого количества земель для проведенія дорогъ. По словамъ наказа Орловскаго уѣзда, въ 1765 году приказано было оставлять подъ большую проѣзжую дорогу 40 сажень, вслѣдствіе чего у нѣкоторыхъ крестьянъ отошла половина пашенной земли, а у другихъ и больше ¹⁾, новыхъ же мѣстъ для распашки нѣтъ; поэтому они просили, чтобы тамъ, гдѣ находятся пашни, позволено было отводить для дороги не болѣе 15 сажень. Крестьяне Слободскаго уѣзда, кромѣ того, заявляли, что къ желѣзнымъ заводамъ, построеннымъ въ ихъ дачахъ, отобрано у нихъ не мало лѣсу, пахатной земли и сѣнныхъ покосовъ.

На сѣверѣ Россіи было еще одно обстоятельство, неблагопріятно отражавшееся на крестьянскомъ землевладѣніи. По Двинѣ и другимъ сѣвернымъ рѣкамъ послѣ весеннихъ разливовъ большія пространства луговъ засыпаютъ песками или сносятъ водою, вслѣдствіе чего въ другихъ мѣстахъ образуются такъ называемыя новоприсадныя земли. Въ наказахъ крестьяне часто жалуются на ущербъ, такимъ образомъ имъ причиняемый. По словамъ наказа Ракульской волости Велико-Устюжскаго уѣзда, многія деревни не имѣли у нихъ ни копны печипнаго сѣна, потому что весьма много земель снесло теченіемъ Двины и «присадило» на другой сторонѣ купеческимъ землямъ, вслѣдствіе чего имъ приходится брать покосъ изподу у одного купца, а за нѣкоторыя снесенныя оброчныя земли платить оброкъ «съ пуста». Крестьяне просили такія новоприсадныя земли отдать тѣмъ деревнямъ, которыя лишились своихъ владѣній отъ сноса водою, и впредь всегда поступать такъ же въ подобныхъ случаяхъ. Въ Мошкурской волости у крестьянъ разныхъ деревень снесло покосовъ приблизительно

¹⁾ По свидѣтельству жителей одной слободки Хлыновскаго уѣзда, у нѣкоторыхъ изъ нихъ осталась только одна треть земель.

на 6,000 копенъ, а у одной деревни смыло столько пашенныхъ земель, что крестьянамъ пришлось переселиться на новое мѣсто.

Главное неудобство того типа общиннаго землевладѣнія, который существовалъ въ то время на сѣверѣ Россіи, состоитъ въ томъ, что, вслѣдствіе свободнаго перехода земельныхъ участковъ изъ рукъ въ руки, является не только сильное имущественное неравенство, но дѣло кончается даже обезземеліемъ, превращеніемъ въ бобылей значительной части населенія, которая поэтому принуждена перейти къ занятіямъ какими-либо промыслами, пропитываться работою на заводѣ, а не то и просто нищенствовать. Появленіе въ волости такихъ бобылей вредно отзывается на интересахъ и другихъ ея членовъ, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ, если не за всѣхъ, то по крайней мѣрѣ за многихъ изъ безземельныхъ, приходится платить подати остальнымъ крестьянамъ. Определить, какой процентъ всего населенія составляли бобыли, мы не можемъ, но нѣсколько примѣровъ покажутъ намъ, что ихъ было весьма не мало. Въ Николаевской Матигорской волости Архангельскаго уѣзда изъ 602 душъ было 116 бобылей; въ Быкокурскомъ стану Устюжскаго уѣзда изъ 504 ревизскихъ душъ было безпашенныхъ и вовсе безземельныхъ бобылей 60 душъ, подати съ которыхъ разлагались на остальныхъ крестьянъ. Въ Пачезерской волости Усольскаго уѣзда на 215 душъ владѣющихъ землями было 54 человека не имѣвшихъ ни пашень, ни покосовъ, изъ которыхъ 31 человекъ могли сами выплачивать подати, а за остальныхъ платила волость. Въ Окологородной волости того-же уѣзда на 395 крестьянъ было 79 душъ совершенно безземельныхъ бобылей, изъ которыхъ только половина сами платили подати, и т. д. Иногда, впрочемъ, процентъ бобылей былъ значительно менѣе.

Въ Вятской провинціи также были безземельные крестьяне: у жителей нѣкоторыхъ деревень Слободскаго уѣзда вовсе не было пашень и покосовъ, такъ что они принуждены были прокармливать себя по большей части выдѣлкою кожъ. Черносошные крестьяне, жившіе въ слободахъ г. Хлынова, вовсе не имѣя пашенной земли, добывали себѣ деньги на пропитаніе и уплату податей различными работами и услуженіемъ въ домахъ мѣстныхъ купцовъ. Недостатокъ земли у черносошныхъ крестьянъ пополнялся до нѣкоторой степени арендованіемъ казенныхъ и церковныхъ земель; ихъ брали въ аренду какъ цѣлыя волости, такъ и отдѣльные лица. Что это дѣлалось весьма часто, видно изъ того, что въ наказахъ постоянно на ряду съ «крѣпостными» землями упоминается и объ оброчныхъ ¹⁾. Крестья-

¹⁾ Аренда церковныхъ земель называлась празгой и такія земли празговыми.—Крестьяне брали въ оброкъ также и рыбныя ловли.

не разных волостей Архангельскаго уѣзда подали губернатору Тутолмину прошеніе о томъ, чтобы купцы и разночинцы не допускались къ участию въ торгахъ на пашенныя и сѣнокосныя земли. Поэтому онъ предписалъ казенной палатѣ входить въ разсмотрѣніе каждаго отдѣльнаго случая, и тамъ, «гдѣ крестьяне полной порціи тяглой земли не имѣютъ и податъ платять болѣе съ оброчныхъ земель, при торгѣ на оброчныя земляныя угоды давать преимущество крестьянамъ, въ тяглой землѣ недостатокъ претерпѣвающимъ».

Въ 1786 году крестьянинъ Багрецовъ взялъ въ аренду землю, принадлежащую мѣстной церкви. Убѣдившись, что онъ не самъ пользуется ею, а отдаетъ во владѣніе изъ своей корысти охочимъ людямъ, крестьяне той волости, гдѣ находился арендуемый участокъ, имѣвшіе на 394 души всего 538 дес. пашенной и сѣнокосной земли, подали генераль-губернатору прошеніе о томъ, чтобы церковная земля была оставлена въ ихъ владѣніи. Казенная палата рѣшила отобрать эту землю у Багрецова и передать во владѣніе всей Ухтоостровской волости на тотъ-же 4-хъ лѣтній срокъ и съ платою такого же оброка.

Крестьяне Слободскаго уѣзда арендовали землю у тамошнихъ татаръ, приписанныхъ для работъ къ казанскому адмиралтейству (лашмановъ), и платили имъ съ паевъ по 2 и по 3 руб.; но такъ какъ крестьяне были записаны по ревизіи на этихъ арендуемыхъ ими земляхъ, то и просили, чтобы онѣ были переданы въ ихъ постоянное владѣніе. Крестьяне Уфимской провинціи брали въ оброкъ земли у башкиръ, а жители Большой Бугульминской слободы Оренбургской губ. арендовали ихъ у мѣстныхъ помѣщиковъ, платя за луга за сто копенъ по 30 и по 40 коп. Крестьяне нѣкоторыхъ водостей Велико-Устюжскаго уѣзда брали у купцовъ покосы изъ-полу.

IV.

Крестьянское землевладѣніе въ Сибири.—Надѣлъ землею соразмѣрно съ количествомъ обрабатываемой десятинной пашни.—Представленія мѣстной администраціи о необходимости уравнительнаго передѣла земель.—Была-ли эта мѣра осуществлена?—Мнѣніе о необходимости передѣловъ и впредь.—Однѣ изъ примѣровъ того, какъ монастырскія власти согнали крестьянъ съ земли, находившейся прежде въ ихъ пользованіи.

Говоря о формѣ крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ Россіи, мы вовсе не касались Сибири; теперь мы должны познакомиться съ порядками, установившимися въ этой отдаленной мѣстности. Количество земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, было здѣсь первоначально связано съ размѣромъ повинностей, исполняемыхъ ими въ пользу государства. Такъ какъ правительство въ XVII в. нуждалось тамъ гораздо болѣе въ хлѣбѣ, чѣмъ въ деньгахъ (необходимо было доставлять продовольствіе служилымъ людямъ по городамъ и острогамъ), то повинность эта явилась въ формѣ такъ называемой десятинной пашни. Первыя правила относительно нея были установлены тобольскимъ воеводою, бояриномъ кн. Судешовымъ (въ 1623—1624 гг.); на основаніи ихъ крестьянинъ получалъ для себя въ четверо и даже въ семеро разъ болѣе земли сравнительно съ количествомъ пашни, которую онъ брался обрабатывать на государя¹⁾. Относительно мѣстностей Сибири, лежащихъ далѣе къ востоку, правила о десятинной пашнѣ были установлены позднѣе. Въ 1684 г. грамотою, присланною изъ Сибирскаго приказа въ Енисейскъ, было предписано давать крестьянамъ земли въ пять разъ болѣе того, сколько онъ обрабатываетъ въ пользу казны; тѣхъ же изъ нихъ, у кого земля выпахалась, велѣно было перевести на другія мѣста. Кромѣ пашень, каждый крестьянинъ, обрабатывающій для казны одну десятину, получалъ на выгонъ и сѣнные покосы по 10 дес. земли, и по тому-же расчету болѣе или менѣе.—Вслѣдъ за тѣмъ очередь дошла и до крайняго востока Сибири. Въ 1696 году въ наказныхъ статьяхъ нерчинскимъ воеводою было между прочимъ сказано: «А пашенныхъ крестьянъ, которые въ Нерчинскихъ острогахъ и въ уѣздахъ поселены, и впредь присыльныхъ и новоприборныхъ изъ

¹⁾ Верхотурскій подгородный крестьянинъ, обрабатывавшій по двѣ казенныхъ десятины, получалъ для себя по 15 дес. въ каждомъ полѣ; въ Тагильскихъ селахъ за 2 дес. ему давали 12¹/₂ дес.; въ Пельми, Туринскѣ, Тюмени и Тобольскѣ за обработку 1¹/₂ дес. онъ пользовался 5-ю десятинами въ полѣ и болѣе, по тому-же расчету.

вольныхъ людей селить на пашнѣ съ великимъ радѣніемъ, чтобъ всякими мѣры и радѣніемъ хлѣба завести больше; а пахать имъ крестьяномъ десятинная пашня во всѣхъ трехъ поляхъ поровну; и которому крестьянину велѣно будетъ пахать пашни десятина въ полѣ, а въ дву потому-жъ, и тому на себя собинныя пашни... пахать... по 4 дес. въ полѣ, а въ дву потому» и болѣе или менѣе по тому-же расчету (десятина равнялась 3,200 кв. саж.).

Съ теченіемъ времени это соотвѣтствіе между количествомъ десятинной пашни и размѣрами земли, полученной крестьянами въ надѣлъ, постепенно утратилось. Мы имѣемъ извѣстіе, что въ 1722 г. сибирскій губернаторъ кн. Черкасскій предписалъ обрабатывать по 3 дес. казенной пашни (вѣроятно—на каждого взрослого работника); такимъ образомъ десятинная пашня сдѣлалась общему натуральному повинностию независимо отъ количества владѣемой крестьяниномъ земли. Дальнѣйшее развитіе этой повинности, ея уменьшеніе, замѣну сборомъ провіанта, а затѣмъ и денежнымъ оброкомъ, мы рассмотримъ ниже, когда будемъ говорить о податяхъ и различныхъ сборахъ.

Здѣсь мы остановились на этомъ вопросѣ, чтобы показать, что объ общинномъ землевладѣніи съ передѣлами земли, какое уже тогда существовало въ центрѣ европейской Россіи, тутъ не могло быть и рѣчи; къ тому-же первыми колонизаторами Сибири были преимущественно жители сѣверныхъ окраинъ нынѣшнихъ губерній: Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской, которые и на родинѣ не знали передѣловъ пашенныхъ земель и покосовъ. Естественно также, что поземельное неравенство должно было сказаться здѣсь еще въ болѣшихъ размѣрахъ, и дѣйствительно, богатые міроѣды съ одной стороны, а съ другой—бѣдняки, принужденные иногда даже закабалить дѣтей, составляютъ неизбѣжную принадлежность каждой сибирской слободы не только въ теченіе всего XVIII в., но даже и въ настоящее время. Однако, съ тѣхъ поръ, какъ десятинная пашня сдѣлалась повинностию равною для всѣхъ, независимо отъ размѣровъ полученной въ надѣлъ земли, естественно должна была явиться мысль и о правѣ каждого крестьянина на равный съ прочими поземельный участокъ. За неимѣніемъ матеріаловъ, мы не можемъ сказать, въ какой степени созрѣла эта мысль въ народѣ ко второй половинѣ XVIII в., но первыя извѣстныя намъ заявленія о ней мы находимъ въ донесеніяхъ о мѣстныхъ нуждахъ, присланныхъ сибирскою администраціею въ концѣ 1750-хъ годовъ для елисаветинской комиссіи новаго уложенія. Вопросы о необходимости уравниенія крестьянскихъ земель касаются Туринская воеводская и Енисейская провинціальная канцеляріи. По словамъ Туринской канцеляріи, крестьяне, ямщики и ясачные та-

тары не имѣють никакихъ «дачъ» на свои пашни, сѣнные покосы и лѣсныя угодья, а владѣють ими «за платежъ подушныхъ денегъ и оброчнаго провіанта и за пахату казенной десятинной пашни, а ямщики за ямскую и почтовую гоньбу, ясачные за платежъ ясаку», другіе-же крестьяне, ямщики и ясачные хотя владѣють «и по дачамъ, да неравномѣрно: иные много, а другіе мало, и противъ казеннаго исправленія недостаточно, а во исправленіи казеннаго платежа оные люди состоятъ не противъ владѣнія своего земель равномѣрно: иные имѣють казеннаго исправленія мало, а собственной земли во владѣніи много, а другіе отправляютъ того казеннаго исправленія довольно, а собственной земли во владѣніи имѣють мало, и оттого тѣ люди противъ оныхъ своей братіи находятся въ неудовольствіи и въ неравномѣрномъ другъ противъ друга за казенное исправленіе во владѣніи у себя земель состоятельствъ». Поэтому канцелярія предлагала: «таковыя у нихъ земли, и сѣнные покосы, и прочія угодья—крестьянскія съ крестьянскими, и ямскія съ ямскими, и ясачныя съ ясачными особо раздѣлить по семейству и душамъ на казенное исправленіе по равномѣрному числу и впредь въ такомъ-же раздѣленіи тѣ земли и сѣнные покосы, яко государственныя мѣста, содержать для общей пользы за наилучшее признавается, что (бъ) по нынѣшнему содержанию много имѣющіе тѣхъ мѣстъ во владѣніи обыватели излишняго и напраснаго удовольствія, а мало имѣющіе во владѣніи-жъ мѣстъ противъ своей братіи таковыхъ-же крестьянъ, ямщиковъ и ясачныхъ недостатку и нужды-бъ имѣть не могли, а довольствовались-бы въ тѣхъ владѣніяхъ всѣ равномѣрно и плодъ свой въ казну приносили противъ владѣнія у себя земли, покосовъ и прочихъ угодій другъ противъ друга потому-жъ равномѣрно. И для того общепользнаго содержания у тѣхъ крестьянъ, и ямщиковъ, и ясачныхъ, кои у себя во владѣніи земли и сѣнные покосы и прочія угодья имѣють нынѣ по дачамъ, должно уже по вышенисанному раздѣленію изъ дачъ ихъ сверхъ подлежащаго имъ ко владѣнію числа и излишнія мѣста взявъ, другимъ ихъ братьѣ, во владѣніи оныхъ мѣстъ недостаточнымъ, отдавать безъ всякаго за тѣ мѣста платежа».

Требованія, высказанныя въ этомъ донесеніи, напоминають намъ тѣ заключенія, къ которымъ пришла слѣдственная коммисія на Олонекскихъ заводахъ и заводская канцелярія; какъ тамъ считали необходимымъ, не обращая вниманія ни на какія крѣпости и закладныя, отобрать всѣ земли, приобретенныя купцами и зажиточными крестьянами, такъ и здѣсь мѣстная администрація предлагала произвести раздѣлъ, не дѣлая различія между землями, владѣемыми

по «дачамъ», и находящимися въ крестьянскомъ владѣніи безъ всякихъ документовъ. Канцелярія находила необходимымъ и впредь поддерживать равномѣрность поземельнаго владѣнія пропорціонально числу душъ въ семьѣ, слѣдовательно, желала введеніе передѣловъ. Нужно вспомнить, что такое-же мнѣніе относительно крестьянскаго землевладѣнія въ Архангельской и въ Велико-Устюжской провинціяхъ высказывалъ и Козьминъ въ упомянутомъ уже нами докладѣ императрицѣ.

Енисейская провинціальная канцелярія писала въ 1757 году по этому вопросу слѣдующее: землями въ Енисейскомъ уѣздѣ владѣли крестьяне, платившіе семигривенныя подушныя деньги, а вмѣсто четырехгривенныхъ оброчныхъ поставлявшіе окладной провіантъ, разночинцы, платившіе подати деньгами, и посадскіе, не занимающіеся торговлею, а живущіе въ уѣздѣ на пашнѣ, какъ и крестьяне, и только называющіеся посадскими. «Крестьяне, разночинцы, а особливо посадскіе съ прежнихъ лѣтъ по даннымъ многіе имѣютъ земель со излишествомъ, а которые-жъ послѣ въ присылкѣ и разными случаями прибыли, земель къ довольствію имѣютъ весьма съ оскудѣніемъ, и таковыя есть, что и ничего не имѣютъ, а какъ подушныя деньги, такъ и прочія тягости несутъ противъ тѣхъ въ равенствѣ». Енисейская провинціальная канцелярія, въ томъ случаѣ, если посадскіе по прежнему будутъ жить въ уѣздѣ, а крестьяне вносятъ провіантъ, находила необходимымъ такимъ образомъ уравнивать ихъ землями. Въ виду господствовавшей въ той мѣстности переложной системы земледѣлія (при которой снявъ 4 или 5 хлѣбовъ оставляли землю и вспахивали другое мѣсто, также какъ и на прежнемъ не употребляя навозу, и лишь черезъ нѣсколько лѣтъ возвращались къ прежнимъ пашнямъ), провинціальная канцелярія находила нужнымъ дать тѣмъ крестьянамъ, которые, вмѣсто четырехгривеннаго оклада, вносятъ хлѣбъ, пашни въ каждомъ полѣ по 30 четвертей (т. е. по 15 дес.), а разночинцамъ, которые платятъ по 1 р. 10 к., вдвое менѣе; да кромѣ того извѣстное количество сѣнныхъ покосовъ. Посадскимъ давать земли наравнѣ съ разночинцами, но за нее, согласно съ указомъ 30-го сентября 1747 г., брать съ каждой четверти въ годъ по 10 коп. Затѣмъ, въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ остается излишняя пахатная земля или сѣнные покосы, то ее раздавать тѣмъ, кто пожелаетъ за такую-же плату. «А ежели впредь какія будутъ прибыли у нихъ въ платежѣ души или вновь откуда прибыли-жъ, то изъ такихъ оставшихъ земель онымъ противъ вышеписаннаго и отводить; а ежели-жъ противъ того, кому въ тѣхъ деревняхъ и близъ оныхъ не достанетъ, таковыхъ выводить въ прочія деревни въ тѣхъ-

же присудѣхъ, гдѣ оныхъ во излишествѣ останется. А подѣ усады и на скотскій выпускъ подѣ каждый дворъ дать надлежитъ по $1\frac{1}{2}$ десятины».

Представленія эти были составлены во время губернаторства въ Сибири Соймонова; въ 1763 г. мѣсто его занялъ Д. И. Чичеринъ, обратившій вниманіе на уравниеніе поземельныхъ участковъ крестьянъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не обнаружено никакихъ матеріаловъ, разъясняющихъ эту сторону его дѣятельности, и мы должны довольствоваться одною краткою замѣткою. Посылая по требованію кн. Вяземскаго для новой комиссіи уложенія донесеніе, составленное для комиссіи елисаветинской, Туринская воеводская канцелярія отмѣтила перемѣны, совершившіяся съ того времени. Между прочимъ, послѣ приведеннаго нами выше мѣста, гдѣ предлагалось уравниеніе земли между крестьянами, канцелярія прибавила: «Крестьяне и ясачные татары въ бытность... сибирскаго губернатора... Д. И. Чичерина, въ земляхъ раздѣлены на каждую душу по равному числу и въ томъ удовольствованы». Мѣра эта, слѣдовательно, должна была быть выполнена въ промежутокъ времени между 1763 и 1767 гг.; но мы не знаемъ, какъ выполнено было такое трудное дѣло и произведенъ-ли былъ такой передѣлъ и въ другихъ мѣстностяхъ Западной Сибири (Иркутская провинція съ 1765 г. составила особую губернію). Объ уравниеніи земли около Туринска мы находимъ указанія и въ наказѣ черносошныхъ крестьянъ и разночинцевъ, жившихъ въ этомъ городѣ. Они заявляли, что уже во время пребыванія въ Сибири Чичерина, «которые изъ насъ съ изстари во владѣніи земель не имѣли, а прочіе наши братья многіе во владѣніи своемъ имѣли земли довольныя, то отъ оныхъ удѣлены намъ на каждую душу по равному числу». Въ своемъ донесеніи 1767 года Туринская воеводская канцелярія находила нужнымъ отобрать документы на земли, находившіяся у крестьянъ. «Крестьяне и ямщики», писала она, «имѣютъ у себя на земли данныя выписи и разныя крѣпости, а земли у нихъ всѣ какъ есть государственныя и должны быть навсегда въ раздѣленіи на каждую душу по равному числу, и затѣмъ оныя прежнія данныя выписи и крѣпости потребно отъ нихъ отобрать, и чтобъ они впредь казенныхъ земель собственными своими не называли и, кому другимъ по числу душъ земли отъ нихъ отойдутъ, не угроживали-бы ихъ, что яко-бы впредь тѣ земли возвращены и взысканы съ нихъ будутъ завладѣлыя деньги, и чрезъ то-бы въ хлѣбопашествѣ и въ экономичесествѣ не приводили ихъ въ отчаяніе или отвращеніе и нерадѣніе». Здѣсь

Туринская воеводская канцелярія прямо указывает на то, что поземельные передѣлы въ этой мѣстности должны были производиться и впредь. Любопытно, что изъ всѣхъ сибирскихъ наказовъ упоминаніе о раздѣлѣ земли мы находимъ только въ туринскомъ наказѣ, а также въ донесеніи Туринской канцелярії. Это наводитъ на мысль, не былъ-ли этотъ передѣлъ земель только частною мѣрою, вызванною, быть можетъ, особеннымъ развитіемъ тамъ поземельнаго неравенства. Но, съ другой стороны, извѣстно, что Чичерину удавалось быстро оканчивать весьма обширныя предпріятія, какъ, на примѣръ, заселеніе ссыльными Барабинской степи ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, этотъ важный вопросъ можетъ быть рѣшенъ только при помощи матеріаловъ, которые должны храниться въ сибирскихъ архивахъ.

Уравненіе земель приходилось производить не только между русскими крестьянами, но и между крестьянами инородцами. Такой случай мы находимъ именно въ наказѣ крестьянъ Туринскаго уѣзда. Совершенно сходный съ наказомъ крестьянъ и разночинцевъ, жившихъ въ самомъ городѣ Туринскѣ, онъ представляетъ лишь одно весьма важное отступленіе, которое знакомитъ насъ съ тѣмъ, какъ неохотно инородцы, съ излишкомъ пользовавшіеся землею, поступались хоть частію ея для русскаго населенія. «Изъ насъ, уѣздныхъ крестьянъ», читаемъ мы въ наказѣ, «до 170 душъ, положенныхъ въ подушный окладъ, жительствоуютъ деревнями съ издавна между жителями новокрещенныхъ ясачныхъ татаръ, у которыхъ за множественнымъ числомъ земель, покосовъ, лѣсовъ, рыбныхъ ловлей и прочихъ угодій, а у насъ за самымъ малымъ количествомъ земель, по указомъ главныхъ командъ велѣно земли удѣлять намъ на означенныя 170 душъ, а прочимъ на тѣ ясачныя излишнія земли опредѣлено намъ и переселиться». Очевидно, это было сдѣлано именно при Чичеринѣ; инородцы должны были подчиниться предписаніямъ администраціи, но злобно относились къ русскимъ крестьянамъ, ради которыхъ были уменьшены ихъ поземельныя владѣнія. Хотя, по словамъ туринскихъ крестьянъ, у нихъ оставалось еще весьма много земель, лѣсовъ и рыбныхъ ловель, но они не соглашались отдавать ихъ крестьянамъ въ аренду и не позволяли за деньги пускать скотъ на луга, предпочитая вовсе запускать эти мѣста. «Лежи даромъ, а русскій не бери и не владѣй», говаривали они. «А оныхъ ясачныхъ татаръ», замѣчаютъ крестьяне въ своемъ на-

¹⁾ Оно производилось, впрочемъ, самымъ насильственнымъ образомъ и сопровождалось большою жестокостью.

казѣ, «всего въ Туринскомъ уѣздѣ имѣется 149 душъ, и ясаку по нынѣшнему окладу всего на нихъ... 129 руб. 60 к., а на насъ крестьянахъ на 170 душахъ, которые между оными ясачными татарами жительствоуютъ, подушныхъ денегъ состоитъ и съ плакатными безъ мала 300 р. въ годъ, и земель, покосовъ и угодій у нихъ, ясачныхъ новокрещенныхъ татаръ, противу насъ будетъ развѣ вчетверо или больше, но и затѣмъ насъ хотятъ не только съ удѣленныхъ отъ нихъ земель, но и съ прежнихъ и съ изстаринныхъ нашихъ селеніевъ и съ деревень выживать, чтобъ въ тѣхъ мѣстахъ жили только они, новокрещенные татары, а насъ-бы русскихъ людей духу не было, яко-бы мы ихъ облавливаемъ звѣрми».

Въ наказахъ Тюменскаго уѣзда мы встрѣчаемъ также просьбы объ уравненіи землями съ инородцами, которые живутъ среди русскихъ крестьянъ деревнями и имѣютъ несравненно болѣе земель и рыбныхъ ловель. При этомъ однако ничего не упоминается о томъ, чтобы часть владѣнія инородцевъ была отобрана у нихъ въ пользу крестьянъ, какъ мы это видѣли въ Туринскомъ уѣздѣ.

Крестьяне не имѣли возможности пріобрѣсти отъ инородцевъ землю и покупкою; пріобрѣтеніе ея въ собственность вообще было разрѣшено казеннымъ крестьянамъ только въ 1801 г., но мы видѣли, что они перепродавали свои поземельные участки въ наследственное пользованіе; отъ инородцевъ-же и такимъ образомъ они не могли пріобрѣтать земель. Упомянувъ о запрещеніи русскимъ покупать земли у ясачныхъ народовъ, жители города Нарыма въ своемъ наказѣ просили дозволенія покупать хотя тѣ мѣста, на которыхъ инородцы не промышляютъ звѣрей.

Впрочемъ, въ сибирскихъ наказахъ мы встрѣчаемъ весьма немного жалобъ на малоземелье; гораздо чаще—указанія на относительную бѣдность землями сравнительно съ инородцами. Мѣстами жаловались, Впрочемъ, на стѣсненія отъ владѣній купцовъ. Въ двухъ селахъ Тюменскаго уѣзда крестьяне совсѣмъ не имѣли своихъ земель и должны были арендовать у инородцевъ какъ пашни, такъ и покосы; крестьяне и разночинцы, жившіе въ г. Верхотурѣ, были также безземельные и арендовали землю у приписныхъ горнозаводскихъ крестьянъ. Въ Туринскомъ уѣздѣ у крестьянъ было также недостаточно земли: тамошняя воеводская канцелярія предлагала дополнить ихъ надѣлы до опредѣленнаго правительствомъ числа (8 десятинъ на душу) изъ находившихся у нихъ въ арендѣ казенныхъ земель. Крестьяне и разночинцы Енисейскаго вѣдомства Бугучанскаго станка заявляли въ своемъ наказѣ, что по указу правитель-

ства имъ отведено на каждую душу по 7½ дес. пахатной и сѣнокосной земли, притомъ нехлѣбородной и уже выпаханной, между тѣмъ какъ, по имѣющимся у нихъ прежнимъ «даннимъ», они имѣютъ право на владѣніе значительнымъ количествомъ пахатной земли.

По мѣрѣ основанія въ Сибири монастырей крестьянамъ приходилось вступать въ столкновение съ монастырскими властями изъ-за земельныхъ угодій. Наглядный примѣръ этого мы находимъ въ только что упомянутомъ наказѣ Бугучанскаго станка Енисейскаго вѣдомства. У крестьянъ Чадобскаго погоста Ивана Рукосуева и Якова Кулакова съ товарищи издавна была данная земля на рѣкѣ Тунгускѣ¹⁾; на этой же землѣ енисейская провинціальная канцелярія дозволила поселиться крестьянину Петру Колпакову и «пахать въ обществѣ съ означенными Рукосуевымъ и Кулаковымъ въ поваль», «съ согласія со оними крестьянами». Колпаковъ поселился тамъ («противъ межи Сосноваго острова») и жилъ безспорно. Но въ 1696 г. «на ту же данную землю Ивана Рукосуева съ товарищи добылъ данную по оной же рѣкѣ Тунгускѣ.... ниже выше рѣченнаго острова отъ Коды рѣчки вверхъ до Ковы рѣчки старецъ Іоакимъ Путиловъ²⁾ и построилъ выше Кашиной Шиверы пустыню, а рѣченнаго Колпакова съ той земли сослали и приказали пахать Чадобскаго погосту съ крестьянами въ поваль съ Иваномъ Рукосуевымъ съ товарищи». Послѣ того, однако, старецъ Іоакимъ далъ Колпакову поступную на землю отъ Кежмы рѣчки до Коды рѣчки, на которой онъ и поселился ниже рѣчки Кежмы, гдѣ и жилъ какъ онъ самъ, такъ и дѣти его и внучата, причѣмъ пахали десятинную пашню и несли другія повинности. Но въ 1766 г. одинъ крестьянинъ Кашино-Шиверскаго монастыря, безъ сомнѣнія—по приказу монастырскихъ властей, подалъ челобитную въ енисейскую провинціальную канцелярію, будто они насильно завладѣли землею, и называлъ эту землю монастырскою, тогда какъ, по словамъ государственныхъ крестьянъ, она издревле принадлежала ясачнымъ инородцамъ. Енисейская канцелярія для освидѣтельствованія земли и отвода по межамъ и урочищамъ послала сибирскаго дворянина, который измѣрилъ ее въ присутствіи однихъ монастырскихъ крестьянъ и отвелъ къ монастырю не только землю, заселенную чернососи-

¹⁾ «Отъ Невану камню вверхъ по оной рѣкѣ до Сосноваго острова».

²⁾ Изъ приложенной при этомъ наказѣ челобитной видно, что землю старцу Іоакиму уступилъ одинъ тунгусъ «всемилюбивому Спасу подъ часовню» на тридцать верстъ.

ными крестьянами, но и владѣнія инородцевъ Мурской и Ковенской волостей, на что тѣ и подали жалобу въ комиссію объ инородцахъ, учрежденную въ г. Енисейскѣ. Потомки крестьянина Колпакова, которыхъ было въ это время уже 36 душъ («десять домовъ платежныхъ»), были согнаны и земля ихъ, изъ которой 44 десятины уже было вспахано для посѣва хлѣба, была отдана монастырскимъ крестьянамъ (а потомъ монастырскія власти отдали эту землю въ аренду государственному крестьянину Ѳодору Рукосуеву, который и переселился туда, оставивъ свою землю въ Чадобскомъ погостѣ). Точно также у крестьянъ Бугучанскаго станка Емельяна Рукосуева и Григорія Колюпанова съ товарищи было отнято 200 десятинъ. Потомки крестьянина Колпакова, которымъ не дали косить сѣна, по свидѣтельству крестьянъ Бугучанскаго станка, «пришли во всекрайнее разореніе и нищету и за неимѣніемъ сѣна скотъ весь выпалъ, а отъ непосѣва почти въ самую пришли погибель и не въ состояніе платежа въ казну подушныхъ денегъ и прочихъ податей». Они пробовали подавать челобитную въ енисейскую провинціальную канцелярію, но тамъ ея не приняли. Не зная, куда наконецъ жаловаться, они приложили свое прошеніе къ наказу крестьянъ Бугучанскаго станка. При этомъ они указывали, что у монастырскихъ крестьянъ множество земли, что значительную часть ея при измѣреніи монастырскихъ владѣній они утаили, что хотя монастырю было уступлено земли на тридцать верстъ, они захватили отъ Коды до Ковы рѣчки съ прибавкою по рѣкѣ Тунгускѣ не менѣе какъ на восемьдесятъ верстъ. Согласно съ этимъ и въ наказѣ Бугучанскаго станка заявлялось, что у монастырскихъ крестьянъ въ окружности земли верстъ на триста, а пашень и покосовъ 3,000 десятинъ, между тѣмъ этихъ крестьянъ всего 65 душъ.

Недостатокъ другихъ источниковъ не позволяетъ намъ провѣрить всѣ эти показанія крестьянъ, но мы остановились на этомъ наказѣ потому, что всетаки онъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на поземельныя отношенія въ Восточной Сибири. Первоначально земля принадлежала, очевидно, тунгусамъ; на ней въ XVII в. поселяются государственные крестьяне, вѣроятно, заплативъ прежнимъ владѣльцамъ какую нибудь ничтожную сумму. Затѣмъ какому-то благочестивому старцу также удается добыть отъ тунгусовъ, въ пользу часовни Спаса, земельныя угодья, и вотъ основанный имъ монастырь постепенно расширяетъ свои владѣнія и наконецъ вытѣсняетъ крестьянъ съ земли, которою они владѣли уже около 70 лѣтъ. Исторія Колпакова и его потомковъ представляетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ

примѣровъ того, какъ изъ одного крестьянскаго двора постепенно разрастается цѣлое селеніе. Еще въ настоящее время очень многія сибирскія деревни населены однофамильцами ¹⁾). Въ Восточной Сибири, на Ленѣ, Шаповъ нашелъ не мало однородовыхъ поземельныхъ общинъ, на ряду съ которыми встрѣчались впрочемъ и разнородовныя. Это указываетъ на возможность разростанія съ теченіемъ времени большой семьи, подобной юго-славянской задругѣ, въ поземельную общину, хотя одновременно подобныя же общины могли нарождаться и другимъ путемъ при населеніи, члены котораго вовсе не связаны между собою кровными узами, но которыхъ стремленіе къ осуществленію принциповъ равенства заставляетъ владѣть землею на общинномъ правѣ.

В. И. Семевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Газета «Сибирь» 1877 г., № 20.